

ВВЕДЕНИЕ. Институциональный подход – новые возможности анализа

Если для всего мира концом XX века и II тысячелетия стал 2000 год, то для России грань эпох обозначилась на 9 лет раньше. В 1991 г. закончилась советская эпоха и началась новая, которую (за неимением лучшего) называют пока постсоветской. Этот рубеж стал периодом "смены вех" и для российской экономической науки. В 2001 г. можно отмечать десятилетие "кончины" советской политической экономии и рождения ее наследницы – российской экономической науки. Хотя у новой российской экономической науки возраст воистину детский, все же приближение круглой даты требует подвести итоги ее развития в "младенчестве" и одновременно наметить программу дальнейшего "взреления". Разумеется, данный обзор не претендует на исчерпывающую полноту: мы лишь пытаемся выявить наметившиеся тенденции развития новой российской экономической науки.

1. "Учиться, учиться и учиться" ... капитализму

Розы и шипы познания. От своей "матери" – советской политэкономии – "новорожденная" постсоветская экономическая наука получила не слишком богатое наследство. Представители старшего поколения научного сообщества отвергали западную "экономикс" идеологически, не зная даже самые ее азы. Младшее поколение отличалось от старшего только отсутствием "аллергии" на "экономикс", но не ее реальным знанием. Более того, если советские экономисты успели научиться хотя бы искусству логично излагать свои мысли и видеть глубину проблем, то молодые оказались во многом лишены и этого. В 1991-1995 гг. на какое-то время сложилась парадоксальная ситуация, когда научный багаж "аксакалов" науки и "зеленой" молодежи был почти равным: переучивание старых кадров происходило абсолютно параллельно с обучением новых, в результате чего первые "постсоветские" студенты-экономисты оказались обречены на "школьный экономикс". Естественно, умение учиться позволило представителям старших поколений довольно быстро создать солидный "отрыв" от своих слушателей, однако и в наши дни подавляющее большинство кандидатов и докторов экономических наук преподают "не совсем ту" (или совсем не ту) науку, по которой они защищали свои дипломы.

На первых порах главной задачей "обучения капитализму" стала публикация стандартных западных учебных курсов, по которым могли бы учиться и студенты, и, самое главное, сами преподаватели. Поскольку в либеральном угаре 1990-х годов центром всей культурной жизни планеты считались Соединенные Штаты, то именно американские учебники и приняли за идеальный желанный образец¹. Спустя буквально два-три года, когда книжный голод был хотя бы в первом приближении удовлетворен, выяснилось, что американские "продукты" не вполне подходят для российских "желудков". Контраст между тем, о чем писалось в учебниках "экономикса", и тем, что можно было повседневно наблюдать "на улице", оказался еще более сильным, чем в советскую эпоху. Даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании в преподавании экономики новой идеологизированной схоластики, отличающейся большей математизацией, но ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политэкономия.

В поисках выхода российские экономисты стали обращать внимание не только на американские, но и на западноевропейские учебники², хотя и не слишком помогали понять российские реалии. Чем дальше, тем сильнее ощущалась потребность в продвинутых переводных курсах и спецкурсах³, а самое главное, в собственно научной, монографической литературе. Поскольку обучение иностранным языкам поставлено в России еще хуже, чем экономике, а мало-мальские приличные фонды зарубежных книг и журналов есть только в столичных библиотеках, то прямое общение рядового отечественного экономиста с иностранными изданиями

¹ Учебниками «первого призыва» были «Экономический образ мышления» П. Хейне (М., 1991), учебники Э. Долана и Д. Линдсея (СПб., 1991 - 1992), Р. Пиндайка и Д. Рубинфельда (сокращенный перевод - М., 1992), «Экономика» С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи (М., 1993), «Экономика» П. Самуэльсона образца 1960-х гг. (М., 1994) и, конечно же, «Экономикс» К. Макконнелла и С. Брю (М., 1992), ставший примерно лет на 5 основным учебным пособием для студентов-экономистов. Во второй половине 1990-х гг. к ним добавились разве что более современные версии все той же «Экономики» П. Самуэльсона (М., 1997; М., 2000) и «Микроэкономики» Р. Пиндайка и Д. Рубинфельда (М., 2000).

² Назовем, например, «Основы учения об экономике» Х. Зайделя и Р. Теммена (М., 1994), «Макроэкономическую политику» Ж. Кебаджяна (Новосибирск, 1996), «Макроэкономику» М. Бурды и Ч. Виплоша (СПб., 1998). Можно вспомнить и «Эффективную экономику» К. Эклунда (М., 1991), которая до «Экономикса» К. Макконнелла и С. Брю какое-то время даже играла роль главного путеводителя по современной экономической теории.

³ Первым переведенным курсом промежуточного уровня стала «Современная микроэкономика: анализ и применение» Д. Хаймана (М., 1992), позже к ней добавились «Макроэкономика» Г. Мэнкью (М., 1994) и «Микроэкономика. Промежуточный уровень» Х. Вэриана (М., 1997). Что касается спецкурсов, то в наибольшей степени «повезло» мировому хозяйству: по этой тематике издали такие труды, как «Экономика мирохозяйственных связей» П.Х. Линдберга (М., 1992), «Международный бизнес» Д. Дэниелса и Л. Радебы (М., 1994), «Макроэкономика. Глобальный подход» Дж. Сакса и Ф. Ларрена, «Экономическое развитие» М. Тодаро (М., 1997). Не хуже представлена экономика отраслевых рынков – по этой проблематике издали такие книги, как «Структура отраслевых рынков» Ф. Шерера и Д. Росса (М., 1997), «Экономика, организация и менеджмент» П. Милгрота и Д. Робертса (СПб., 1999), «Теория организации промышленности» Д. Хэя и Д. Морриса (СПб., 1999), а также «Рынки и рыночная власть» Ж. Тироля (СПб., 2000). Прочим спецкурсам повезло меньше – можно назвать разве что «Лекции по экономической теории государственного сектора» Э. Аткинсона и Дж. Стиглица (М., 1995) и «Современную экономику труда» Р. Эренберга и Р. Смита (М., 1996).

личных библиотеках, то прямое общение рядового отечественного экономиста с иностранными изданиями остается весьма проблематичным. Главные надежды в экономическом просвещении еще не одно десятилетие следуют возлагать именно на переводчиков.

Хотя список переводной экономической литературы уже не мал⁴, в нем есть самоочевидные "дыры". Укажем, например, что хотя есть переводы Р. Коуза, Дж. Бьюкенена, Д. Норта, М. Олсона, Л. Туроу, но почти нет

К. Поланьи, Дж. Ходжсона, Р. Познера, Г. Беккера, И. Валлерстайна, а изданные еще в СССР книги Дж. Гэлбрейта и К. Мюрдаля давно стали библиографическими раритетами. Даже лидер неоклассиков М. Фридмен представлен на русском в большей степени своей публицистикой и в меньшей – собственно научными трудами. Первая попытка ознакомить российского читателя с зарубежной экономической классикой – трудами лауреатов премии по экономике имени А. Нобеля - завершилась выпуском единственного тома⁵; другая аналогичная попытка также, похоже, не особо перспективна⁶. Не слишком регулярно выходят и книги серии "Вехи экономической мысли"⁷. Вряд ли надо напоминать, что тиражи всех этих изданий весьма невелики – редко кто даже из столичных экономистов имеет в своей домашней библиотеке сколько-нибудь полную подборку переведенных монографий, столь нужных ему для научной работы и организации учебного процесса.

"Не пропадет наш скорбный труд..." Все же вряд ли стоит изображать дорогу, по которой идет развитие экономической науки и совершенствование ее преподавания в нашей стране, как беспросветное и безысходное чередование колдобин и рытвин. Хотя ситуация далека от нормы (если считать нормой хотя бы японские образцы преподавания, где марксистские политэкономы и неоклассические "экономиксовцы" мирно делят внимание студентов), все же в России уже есть и базовые, и промежуточного уровня учебники, которые не просто пересказывают зарубежные курсы, но и творчески их развивают, адаптируя по мере возможности к российским реалиям. Важно отметить, что практически по любому направлению можно выделить учебные издания двух типов – как популярные, так и специализированные⁸.

1) *Микроэкономика*. В этой области наибольшей популярностью пользуется изданный уже несколькими изданиями "Курс микроэкономики" Р. Нуреева⁹. На более квалифицированную аудиторию рассчитана "Микроэкономика" В. Гальперина, С. Игнатъева и В. Моргунова, "Микроэкономика" П. Гребенникова, А. Леусского и Л. Тарасевича. Среди прочих довольно популярных среди столичных экономистов изданий следует назвать "Микроэкономический анализ несовершенных рынков" В. Бусыгина, С. Коковина, Е. Желободько и А. Цыплакова¹⁰.

2) *Макроэкономика*. Здесь ведущие позиции занимают "Экономика. Курс основ" Л. Гребнева и Р. Нуреева, "Макроэкономика" В. Гальперина, П. Гребенникова, А. Леусского и Л. Тарасевича. Хорошо известны "Лекции по макроэкономическому моделированию" А. Смирнова, книга "Макроэкономика" Т. Агаповой и С. Серegiной, а также брошюры "Макроэкономика-2" Н. Шагас и Е. Тумановой. Очень удачным опытом популярного изложения макроэкономики стала

⁴ С библиографией переводов на русский язык западных экономистов XX века можно ознакомиться по следующим изданиям: THESIS, 1994, Вып. 4, с. 226–248; THESIS, 1994, Вып. 6, с. 278–295; Истоки, Вып. 3, М., 1998, с. 483–510; Истоки, Вып. 4, М., 2000, с. 400–430.

⁵ *Бьюкенен Дж.* Сочинения. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». М.: Таурис Альфа, 1997.

⁶ В серии «Экономика: идеи и портреты» за два года вышло только две не слишком толстые брошюры (*Фридмен М.* Если бы деньги заговорили... М.: Дело, 1998; *Модильяни Ф., Миллер М.* Сколько стоит фирма? М.: Дело, 1999).

⁷ За четыре года вышло всего три тематических тома (СПб., 2000), хотя и очень качественно подобранные ("Теория потребительского поведения и спроса" вышла первым изданием в 1993 г., "Теория фирмы" – в 1995 г., а "Рынки факторов производства" сразу вошли в состав трехтомника 2000 г.).

⁸ «Первые ласточки» представляли собой, конечно, сводные курсы типа «микро- и макроэкономика в одном флаконе». Лучшим и наиболее популярным образцом подобных изданий следует считать курс лекций «Введение в рыночную экономику» А.Я. Лившица (М., 1991), который выдержал не одно переиздание (например: Введение в рыночную экономику: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / Под ред. А.Я. Лившица, И.Н. Никулиной. М.: Высш. шк., 1994). В наши дни подобные обзорные курсы используются уже не в высшей, а в средней школе.

⁹ *Нуреев Р.* Курс микроэкономики. М., 1996, 1998, 1999, 2000, 2001. На популярность этого учебника большое влияние оказала журнальная версия этого курса, с которым научная общественность смогла ознакомиться по публикациям в "Вопросах экономики" в 1993–1996 гг. Факт этой публикации красноречиво говорит о той спешке, с которой российские экономисты были вынуждены переучиваться: в какой еще стране ведущий национальный экономический журнал стал бы печатать стандартный курс микроэкономики?

¹⁰ *Гальперин В., Игнатъев С., Моргунов В.* Микроэкономика: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 1994, 1997; *Гребенников П., Леусский А., Тарасевич Л.* Микроэкономика. СПб.: Изд-во СПбЭФ, 1996; *Емцов Р., Лукин М.* Микроэкономика. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997; *Замков О., Толстопятенко А., Черемных Ю.* Математические методы в экономике. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997; *Чеканский А., Фролова Н.* Теория спроса, предложения и рыночных структур. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1999; *Бусыгин В., Коковин С., Желободько Е., Цыплаков А.* Микроэкономический анализ несовершенных рынков. Новосибирск, 2000.

книга В. Дадаева. Предпринимаются попытки целостного систематического изложения "Макроэкономики-2", которые, впрочем, пока еще не дошли до широкого читателя и нуждаются в популяризации¹¹.

3) *Теория отраслевых рынков*. Лучшим изданием по данному направлению следует считать, конечно, "Анализ структур товарных рынков" С. Авдашевой и Н. Розановой: в этой тонкой брошюре авторы смогли не только удачно изложить общую теорию, но и проиллюстрировать ее примерами из современной российской практики¹².

4) *Отраслевые дисциплины*. Здесь выделяются "Экономика природопользования" А. Голуба и Е. Струковой, "Аграрная экономика" Е. Серовой, "Основы региональной экономики" А. Гранберга и "Экономика труда" М. Колосницыной, а также С. Рошина и Т. Разумовой¹³.

5) *Государственное регулирование экономики*. Наиболее добротными теоретическими учебными изданиями, рассматривающими экономическую политику государства, следует считать вышедшие почти одновременно "Государственную экономическую политику" И. Албеговой, Р. Емцова и А. Холопова, а также "Проблемы бюджетно-налогового регулирования в переходной экономике" Т. Агаповой. Более продвинутый характер носят учебники Л.И. Якобсона и "Экономика общественного сектора" под ред. Е. Жильцова и Ж.-Д. Лафея¹⁴.

Наконец, заслуживает упоминания 10-летний опыт издания журнала-учебника "Экономическая школа".

И все же количество учебников, написанных отечественными авторами, пока заметно превосходит их качество, что является характерной "детской болезнью" освоения новой научной парадигмы, заимствованной "со стороны".

"Учитель, научи ученика..." Наибольший интерес для россиян представляют, конечно, работы, посвященные анализу не развитого рыночного хозяйства, а его генезиса, то есть экономики не высокоразвитых, а "переходных" стран, к числу которых относится и сама Россия. В этой области, однако, рассчитывать на помощь с Запада приходится еще в меньшей степени: общеизвестно, что именно неспособность ни объяснить эволюцию периферийных стран, ни помочь им в практическом аспекте является главным индикатором надвигающегося "заката" неоклассики. Переведенные труды о России не вызвали сколько-нибудь заметного интереса в российском научном сообществе¹⁵.

Отчаявшись дожидаться "света истины" от своих западных коллег, российские ученые сами пытаются писать учебники о переходной экономике, которые, увы, страдают чрезмерным эмпиризмом и мало могут помочь современному студенту-экономисту¹⁶. Весьма плодотворным представляется рассмотрение переходного процесса в неоклассических традициях. Опыт подобного анализа демонстрируют работы Е. Ясина¹⁷. И все же, системное понимание проблем переходной экономики возможно только в общем контексте теории экономических систем, интерес к которой довольно слаб. Заметную помощь в осмыслении проблем переходного периода оказывают экономисты Восточной Европы¹⁸, более близкие к пониманию наших реалий, чем экономисты Запада. Завершение "ельцинской эпохи" – начальной стадии перехода от командной экономики к смешанной – не-

¹¹ Гальперин В., Гребенников П., Леусский А., Тарасевич Л. Макроэкономика. СПб.: Изд-во СПбЭФ, 1997; Смирнов А. Лекции по макроэкономическому моделированию. М.: ГУ – ВШЭ, 2000; Агапова Т., Серегина С. Макроэкономика. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996, 1997, 2000; Шагас Н., Туманова Е. Макроэкономика-2. Долгосрочный аспект. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1997; Шагас Н., Туманова Е. Макроэкономика-2. Краткосрочный аспект. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998; Дадаев В. Макроэкономика для всех. Дубна, 1996; Кавицкая И., Шаравев Ю. Макроэкономика-2. М.: ГУ – ВШЭ, 1999, части 1-3.

¹² Авдашева С.Б., Розанова Н.М. Анализ структур товарных рынков: экономическая теория и практика России. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998.

¹³ Голуб А., Струкова Е. Экономика природопользования. М.: Аспект Пресс, 1995; Серова Е. Аграрная экономика. М.: ГУ-ВШЭ, 1999; Гранберг А. Основы региональной экономики. М.: ГУ – ВШЭ, 2000; Колосницына М. Экономика труда. М.: Магистр, 1998; Рошин С., Разумова Т. Экономика труда. М.: ИНФРА-М, 2000.

¹⁴ Албегова И., Емцов Р., Холопов А. Государственная экономическая политика. М.: Дело и Сервис, 1998; Агапова Т. Проблемы бюджетно-налогового регулирования в переходной экономике: макроэкономический аспект. М.: МГУ, 1998; Якобсон Л. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Наука, 1995; Якобсон Л. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М.: ГУ-ВШЭ, 2000; Экономика общественного сектора. Под ред. Е. Жильцова, Ж.-Д. Лафея. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998.

¹⁵ Едва ли не единственные заметные опыты в этом направлении – "Макроэкономика. Курс лекций для российских читателей" Р. Лэйарда (М., 1994) и «Макроэкономическая теория и переходная экономика» Л. Гайгера (М., 1996), подготовленная, кстати, при активном участии российских экономистов.

¹⁶ См.: Бузгалин А. Переходная экономика. М., 1994; Экономика переходного периода. М., 1995; Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991 – 1997. М., 1998. Более фундаментальными трудами являются: Аукционник С.П. Теория перехода к рынку. М.: SvR-Аргус, 1995; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. СПб.: Наука, 1998.

¹⁷ Ясин Е. Поражение или отступление? (российские реформы и финансовый кризис). – Вопросы экономики, 1999, № 2; Ясин Е. Новая эпоха, старые тревоги: взгляд либерала на развитие России. М.: Фонд "Либеральная миссия", 2000 (сокращенный вариант см.: Вопросы экономики, 2001, №1).

¹⁸ Назовем, например, такие работы польских экономистов, как «Социализм, капитализм, трансформация» Л. Бальцеревича (М., 1999) и «От шока к терапии» Г. Колодко (М., 2000).

минуемо стимулирует желание ученых теоретически обобщить итоги и наметить перспективы, но, похоже, подобных обобщающих трудов нам придется ждать еще ни один год.

Перестройка преподавания экономики создает предпосылки и для изменения собственно научной деятельности отечественного экономического сообщества.

Каких же нам "открытий чудных" готовит "просвещения дух"? Главная беда российской экономической науки – долгое отсутствие в ней установки на новаторство, на стремление к открытию. Что касается советской политэкономии, то поскольку идеи Маркса–Ленина были возведены в канон, не просто хорошим тоном, но нормативным требованием считалось "вычитывать" новые идеи в старых работах великих основоположников, которые по определению предвидели "все и вся" и не могли ошибаться. В начале 1990-х годов поменялся канон, но не отношение к канону. И только в последние годы столетия российские экономисты начинают постепенно ощущать себя не просто популяризаторами чужих идей, но наследниками Н. Кондратьева, А. Чаянова и Л. Канторовича, способными заниматься не только репродукцией знаний, но и их продуцированием.

Если попытаться перечислить те новые теоретические концепции, которые родились в постсоветской России, то сразу замечаешь интересный парадокс: хотя отечественная наука стремится "отряхнуть" с себя "прах" марксистской политэкономии, почти все новые идеи вполне могли родиться и лет на 10 раньше. К тому же их число крайне невелико.

Если говорить об общей экономической теории, то достойны внимания всего три концепции, причем все относящиеся к теории экономических систем:

– **теория постэкономического общества** В. Иноземцева, обращающего основное внимание на острые противоречия генезиса постиндустриального общества, в результате чего оно развивается не столько глобально, сколько анклавно¹⁹;

– **теория философии хозяйства** Ю. Осипова, в которой сделана попытка продолжить начатую С. Булгаковым традицию философского осмысления экономической деятельности²⁰;

– **теория типов развития** А. Фонотова, в которой проанализированы принципиальные особенности характерного для России мобилизационного развития, противопоставленного инновационному развитию стран Запада²¹.

Гораздо шире представлены новые идеи, связанные с осмыслением проблем собственно переходной экономики²², а также с обобщением уроков функционирования командно-административной системы²³. Эти научные достижения следует оценивать, однако, довольно осторожно, поскольку слишком часто речь идет о проблемах развития не столько переходной в общем смысле, сколько российской переходной экономики. Впрочем, развитие теории невозможно без эмпирических обобщений, качество которых совершенствуется год от года, что особенно заметно в изданиях Бюро экономического анализа: если в прежние годы БЭА готовило главным образом обзоры экономической политики²⁴, то теперь оно начало издавать серию монографий по специализированным проблемам²⁵.

Характерно, что оригинальных научных работ все же заметно меньше, чем учебных. Похоже, что современные российские экономисты ощущают себя карликами, стоящими не на плечах великанов, а где-то у их подошв.

Очередные задачи постсоветской экономической науки. Чтобы российская экономическая наука смогла переместиться с периферии ближе к центру мировой научной жизни, нам необходима коренная перемена точки отсчета. Настало время не просто популяризировать любые пришедшие с Запада научные идеи, но попытаться "сыграть на опережение" – ориентироваться на "мэйнстрим" не сегодняшнего дня, а завтрашнего. "Неоклассический ренессанс" вряд ли надолго переживет рубеж тысячелетий – уже сейчас очевидно, что он принципиально не может решать проблемы модернизации даже транзитивных стран, не говоря уже о разви-

¹⁹ Назовем хотя бы последнюю книгу этого исключительно плодовитого автора, в которой он систематизирует свои более ранние труды: *Иноземцев В.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.

²⁰ *Осипов Ю.* Опыт философии хозяйства. М.: Изд-во МГУ. 1990; *Осипов Ю.* Теория хозяйства. Начала высшей экономики. Т.1-3. М.: Изд-во МГУ. 1995-1998; *Философия хозяйства.* Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1999. №1-6; 2000. №1-6.

²¹ *Фонотов А.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному (<http://science.ru/info/fonotov/htmlr>).

²² Назовем такие исследования, как: *Чеканский А.* Микроэкономический механизм трансформационного цикла. М.: Экономический факультет МГУ/ТЕИС, 1998; *Пути стабилизации экономики России.* Под ред. Г. Клейнера. М.: Информэлектро, 1999; *Опыт переходных экономик и экономическая теория.* Под ред. В.В. Радаева, Р.П. Колосовой, В.М. Моисеенко, К.В. Папенова. М.: ТЕИС, 1999; *Олейник А.Н.* Институциональные аспекты социально-экономической трансформации. М.: ТЕИС, 2000.

²³ См.: *Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.

²⁴ См. "Обзоры экономической политики в России" за 1997 – 1999 гг. (М., 1998, 1999, 2000).

²⁵ См: *Политика противодействия безработице.* М.: РОССПЭН, 1999; *Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках.* М.: ТЕИС, 2000; *Контракты и издержки в ресурсоснабжающих подотраслях жилищно-коммунального хозяйства.* М.: ТЕИС, 2000; *Средний класс в России: количественные и качественные оценки.* М.: ТЕИС, 2000; *Альтернативные формы экономической организации в условиях естественной монополии.* М.: ТЕИС, 2000; и др.

вающихся. Новая научная революция, которая станет свершившимся фактом в ближайшие десятилетия, ознаменуется, скорее всего, сдвигом от "индивидуалистической" неоклассики к "коллективистским" концепциям институционализма и экономической глобалистики. Именно на эти теории и нужно ориентироваться российским экономистам. Пока же в нашей стране они довольно слабо известны не только широкой общественности, но даже специалистам. В связи с этим первоочередной задачей отечественных экономистов должны стать их изучение и максимальная популяризация.

На первом этапе необходима переориентация переводческой деятельности. Вместо подготовки все новых и новых типовых учебников по микро- и макроэкономике с математическими моделями (формально верными, но совершенно не связанными с российскими реалиями) надо обратиться к работам по теории и практике рыночной модернизации и трансформации, обобщающим реальный опыт стран Восточной Европы, Азии, Африки и особенно Латинской Америки со всеми его достоинствами и недостатками. Кроме того, необходимо уделить повышенное внимание экономике права, экономике развития, моральной экономике, экономической компаративистике, экономической антропологии и экономической глобалистике.

Далее, необходима реорганизация системы преподавания экономической теории – усиление в ней не формально-математических, а институционально-компаративистских начал. Конечно, при разработке курса сравнительного анализа экономических систем следует учитывать опыт преподавания и изучения этих проблем за рубежом, имеющего довольно глубокие традиции²⁶.

Основные особенности подхода к разработке учебных курсов по экономической теории должны быть таковы:

- а) особый акцент на изучении динамики экономических институтов во всем их многообразии (отношения зависимости, правовые нормы, государственные механизмы регулирования, этические нормы и т.д.);
- б) сочетание исторического (формационного) и страноведческого (цивилизационного) подходов к изучению институциональной динамики;
- в) соединение онтологического подхода с гносеологическим – характеристика не только особенностей экономических систем, но и многообразия концепций, анализирующих эти системы;
- г) междисциплинарный подход к анализу проблем экономических систем – синтез собственно экономических, исторических, правовых, этнологических, социологических и иных обществоведческих знаний;
- д) разумное использование "формального" аппарата теории микро- и макроэкономики, (прежде всего экономико-математического моделирования) для решения актуальных задач, стоящих перед современной российской экономикой.

Главной задачей экономической науки должно стать формирование у студентов-экономистов целостного видения экономических процессов и экономической динамики, умения рассматривать современные проблемы как элемент длительной эволюции, выработка навыков целенаправленного конструирования и постепенного "выращивания" экономических и социальных институтов. Одновременно необходим коренной пересмотр структуры учебных программ по экономике. В настоящее время вузы России ежегодно выпускают тысячи "специалистов", которые гораздо лучше разбираются в работе Нью-Йоркской фондовой биржи, чем в том, как работает ближайший районный рынок, на который они ходят каждый день. Но это не их вина, а их беда: полученные ими знания не только неполны и неточны, главное – они имеют пока очень косвенное отношение к отечественной экономике. Поэтому необходимо развивать новые направления исследований, которые анализируют трансформацию экономических институтов в постсоветской России и в других периферийных странах. Наиболее перспективным направлением мы считаем институционализм.

2. Сила и слабость российского институционализма: на пути к национальной школе

Корни российского неинституционализма. В последние десятилетия в России устойчиво растет интерес к институциональной теории вообще и к ее неинституциональному направлению в особенности. С одной стороны, это связано с сильным влиянием марксизма, который рассматривал традиционный институционализм как своего потенциального союзника. Поэтому работы Дж. Гэлбрейта, Г. Мюрдаля и Т. Веблена были переведены на русский язык еще в советский период. С другой стороны, это связано с попытками преодолеть ограниченность ряда предпосылок, характерных для "экономикс" (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др.), и рассмотреть современные экономические процессы комплексно и всесторонне. Дело в том, что в России эти предпосылки еще не сложились, а потому подход, основанный на деятельности рационального, максимизирующего полезность в условиях совершенной конкуренции индивида, противоречит реальному положению вещей.

Важную роль в популяризации институционализма сыграла публикация курсов по микроэкономике, в которые были включены специальные главы по неинституциональной экономике (П. Хейне, Э. Долана и Д. Линдсея, Д. Хаймана, отечественного учебника Р. Нуреева).

²⁶ В частности, есть несколько классических курсов "Comparative Economic Systems" (Дж. Ангресано, П. Грегори и Р. Стюарта, М. Шнитцера, С. Гарднера и др.), многие из которых переиздавались по нескольку раз.

Российские ученые осваивают неoinституционализм, в основном, знакомясь с переводами отдельных концептуальных работ зарубежных экономистов. В 1990-е годы выходят русские переводы основополагающих работ Р. Коуза "Фирма, рынок и право" (Нью-Йорк, 1991; М., 1993), М. Олсона "Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп" (М., 1995) и "Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз" (Новосибирск, 1998), Э. де Сото - "Иной путь. Невидимая революция в третьем мире" (М., 1995), О. Уильямсона - "Экономические институты капитализма. Фирма, рынки, "отношенческая контрактация"" (СПб., 1996), К. Менара - "Экономика организаций" (М., 1996), Дж. Бьюкенена - "Расчет согласия" и "Границы свободы" (М., 1997), Д. Норта - "Институты, институциональные изменения и функционирование экономики" (М., 1997), Р. Нельсона и С. Уинтера "Эволюционная теория экономических изменений" (М., 2000). Из учебников следует отметить перевод двухтомника П. Милгрота и Д. Робертса "Экономика, организация и менеджмент" (СПб., 1999).

Осознание важности создания "мягкой инфраструктуры" российского рыночного хозяйства стало импульсом для генезиса отечественного неoinституционализма. Появились многочисленные специальные работы (не только абстрактно-теоретические, но и конкретно-эмпирические), где неoinституциональные идеи используются для объяснения особенностей современного российского хозяйства. Такие ведущие российские журналы, как "Вопросы экономики", "Экономика и математические методы", "Вестник Московского университета, серия «Экономика»"²⁷, регулярно публикуют подборки статей по неoinституциональным проблемам. Однако попытки систематизированного изложения институционального подхода до 1998 г. не было, что затрудняло освоение новой парадигмы в России. Поэтому публикации в 1998 г. книги А. Шаститко "Неoinституциональная экономическая теория", в 1999 г. – "Учебно-методического пособия к курсу лекций по институциональной экономике" Я. Кузьминова²⁸, а также издание на страницах журнала "Вопросы экономики" (1999, № 1–12) учебника "Институциональная экономика" А. Олейника²⁹ оказались весьма своевременными и чрезвычайно актуальными.

Подготовка почвы. Эти пионерные работы положили начало качественно новому этапу неoinституциональных исследований в России. При всех возможных недостатках названных книг попытки систематизации основ институциональной теории открывают широкое поле для консолидации (или размежевания) российских институционалистов на концептуальной основе. Так, работы А. Шаститко и Я. Кузьминова опираются в основном на американскую традицию неoinституционализма. Несколько особняком стоит учебник А. Олейника, который опирается в равной мере как на западноевропейскую (французскую), так и на американскую традиции институциональных исследований. В отличие от традиционного подхода, А. Олейник исходит из первостепенной важности формирования не прав собственности как таковых, а социальных норм и правил. Если представители американского неoinституционализма рассматривают нормы, прежде всего, как результат выбора, то французские институционалисты – как предпосылку рационального поведения. Поэтому рациональность также раскрывается сквозь призму нормы поведения.

Важно подчеркнуть, что А. Олейник не ограничивается описанием легальной экономики, но рассматривает и теневой сектор как порождение высоких транзакционных издержек, обусловленных действием в рамках закона (издержки первичной легализации и издержки легального бизнеса). Изложение основ институциональной теории включает такие актуальные для современной российской институциональной инфраструктуры вопросы, как изменения институтов во времени, эволюции и революции, издержки экспорта и импорта институтов в ходе исторического развития.

Ростки новых направлений – движение вверх и вниз. Круг отечественных работ, затрагивающих вопросы неoinституциональной теории, уже достаточно широк, хотя, как правило, эти монографии мало доступны для большинства преподавателей и студентов, так как они выходят ограниченным тиражом, редко превышающим тысячу экземпляров, что для такой большой страны, как Россия, конечно, очень мало. Среди российских ученых, активно применяющих неoinституциональные концепции в анализе современной российской экономики, следует выделить С. Авдашеву, В. Автономова, О. Ананьина, А. Аузана, С. Афонцева, Р. Капелюшникову, Я. Кузьминова, Ю. Латова, В. Маевского, С. Малахова, В. Мау, В. Найшуля, А. Нестеренко, Р. Нуреева, А. Олейника, В. Полтеровича, В. Радаева, В. Тамбовцева, Л. Тимофеева, А. Шаститко, М. Юдкевич, А. Яковлева и др. Но весьма серьезным барьером для утверждения данной парадигмы в России, безусловно, является отсутствие организационного единства и специализированных периодических изданий, где бы систематизированно излагались основы институционального подхода.

Рассмотрим, как «прорастали» в России основные направления неoinституциональных исследований.

1) *Теория прав собственности* важна для нашей экономики в аспекте анализа приватизации, ее последствий и формирования рыночных институтов. Единственным обзорным исследованием достаточно высокого

²⁷ Помимо перечисленных публикации по неoinституциональной тематике появлялись в издававшемся в 1993–1994 гг. журнале "THESIS", который планировался как специализированное издание именно по новейшим зарубежным концепциям, но, к сожалению, прекратил существование из-за недостатка финансирования.

²⁸ Шаститко А. Неoinституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1998; Кузьминов Я. Учебно-методическое пособие к курсу лекций по институциональной экономике. М.: ГУ-ВШЭ, 1999; Кузьминов Я., Юдкевич М. Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие, Части 1-3 М.: ГУ ВШЭ, 2000.

²⁹ Издано отдельной книгой: Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М/Вопросы экономики, 2000.

уровня по теории прав собственности остается книга Р. Капелюшников "Экономическая теория прав собственности" (М., 1990), благодаря которой большинство российских экономистов впервые узнали о данном научном направлении. Неинституциональное исследование экстерналий и комментарии к теореме Коуза широко обсуждались отечественными экономистами в связи с анализом природоохранной тематики (А. Голуб, Е. Струкова, А. Шаститко)³⁰.

Хотя основное внимание обращено пока на популяризацию идей зарубежных учёных с некоторой адаптацией к российским реалиям (А. Шаститко, С. Малахов, В. Тамбовцев и др.)³¹, появляются уже и оригинальные исследования по проблемам собственности в постсоветской экономике. В них отмечается, что большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам (менеджменту и персоналу), и поэтому в России не возникло эффективного частного собственника. В деятельности фирм краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения новых владельцев доминирует над целями развития производства (А. Радыгин, Р. Капелюшников и др.)³². Кроме того, достаточно интересен институциональный подход к анализу такого феномена переходной экономики, как бартер (В. Макаров, Г. Клейнер, А. Яковлев, и др.)³³.

Негативные количественные изменения, накапливаясь, переходят в новое качественное состояние: возникают так называемые "институциональные ловушки", приводящие к тому, что дальнейшее развитие начинает идти не в сторону рынка, а в направлении псевдорыночных форм и воспроизводства неотрадиционных отношений (В. Полтерович)³⁴.

2) Анализируя *проблему импорта рыночных институтов*, исследователи выделяют две группы проблем³⁵. Первая связана с расширением формальных свобод и прав, проблемой их институционализации, а также сужением социальных и экономических возможностей. 90-е годы показали, что для россиян поле индивидуальной свободы лежит прежде всего в социально-экономической, а не в политической и правовой сферах. В условиях трансформационного спада сужение экономических свобод оказало большее воздействие, чем расширение социальных и политических свобод. К тому же многие понимали свободу односторонне – как приобретение новых прав и благ без потери старых возможностей и гарантий. Поборники свободы недооценили её предпосылки – самостоятельность и ответственность индивидов, которые резко возросли в условиях ограниченности ресурсов, усиленных гиперинфляцией и падением производства.

В этих условиях большая нагрузка легла на государство. Однако государство оказалось не только не в состоянии защищать провозглашенные им самим права, но и, наоборот, встало на путь их систематического нарушения. Отсутствие надежных институциональных гарантий гражданского общества привело к росту произвола властей всех уровней. Отклонение от правовых норм стало своеобразной нормой поведения. Возрос разрыв между декларируемой, желаемой и реализуемой свободой. Всё это создало предпосылки для криминализации общества, для становления и развития неправовой свободы. Сегодня российское общество оказалось дальше от западной институциональной правовой свободы, чем было накануне реформ.

Вторая группа проблем связана с анализом особенностей адаптации населения к рынку в условиях маргинализации общества. Одна из важнейших особенностей российской трансформации заключается в том, что этот переход происходит в условиях глубокого спада, который способствует усилению социально-экономической зависимости населения от "государства всеобщего перераспределения". Типичными становятся понятия "опекун" и "опекаемый". В массовом сознании сохраняется стремление переложить ответственность на чужие плечи. Ради опеки люди готовы отказаться от "голодной" свободы, обменяв её на состояние "сытого" подчинения. Всё это приводит к поляризации общества, росту социальной напряженности и маргинализации экономически активного населения.

³⁰ См., например: Голуб А., Струкова Е. Экономика природопользования. М.: Аспект-Пресс, 1995; Шаститко А. Внешние эффекты и транзакционные издержки. М., 1997 и др.

³¹ См., например: Шаститко А. Экономическая теория институтов. М., 1997. На страницах журнала "Вопросы экономики" ведется дискуссия по теоретическим и практическим аспектам формирования в России рыночных институтов (См.: Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий. – Вопросы экономики, 1998, № 8; Малахов С. В защиту либерализма. – Вопросы экономики, 1998, № 8; Самсон И. Придет ли Россия к рыночной экономике? – Вопросы экономики, 1998, № 8; Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? – Вопросы экономики, 2000, № 6; Капелюшников Р. Где начало того конца?.. (к вопросу об окончании переходного периода в России). – Вопросы экономики, 2001, № 1).

³² См.: статьи А. Радыгина, Ю. Перевалова, И. Гимади, В. Добродея и Х. Альбаха, опубликованные в журнале "Вопросы экономики" (1999, № 6); Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности. – Вопросы экономики, 2000, № 1; Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономические аспекты). Под ред. Р. Нуреева. М., 2000. Введение, гл. 1 – 7.

³³ Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап. – Вопросы экономики, 1999, № 4; Яковлев А. О причинах бартера, неплатежей и уклонения от уплаты налогов в российской экономике. – Вопросы экономики. 1999. № 4 и др.

³⁴ Полтерович В. Институциональные ловушки и экономические реформы. – Экономика и математические методы, 1999, т. 35, вып. 2. (<http://www.cemi.rssi.ru/publicat/e-pubs/ep99001.zip>).

³⁵ Подробнее см.: Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономические аспекты). Введение, гл. 8–14; Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ. 2000.

3) *Теория транзакционных издержек* широко обсуждается российскими экономистами. В. Кокоревым выдвинута гипотеза о росте транзакционных издержек в переходный период от плана к рынку³⁶. Транзакционные издержки рассматриваются как один из барьеров для входа на рынки в российской экономике и как один из факторов развития теневой экономики (В. Тамбовцев, В. Радаев, С. Малахов и др.)³⁷. К сожалению, большим недостатком является слишком широкая трактовка этого понятия российскими экономистами.

Экономико-правовому обоснованию института товарных знаков была посвящена большая подборка материалов в журнале "Вопросы экономики" (1999, № 3). В этом обсуждении приняли участие А. Шаститко, В. Тамбовцев, О. Пороховская, И. Шульга, К. Менар и И. Вальцескини.

4) *Экономика организации*. Обзор зарубежных неинституциональных подходов к теории фирмы дан в работе А. Шаститко "Новая теория фирмы" (М., 1996), где предложено неинституциональное объяснение феномена фирмы и характеризуются основные формы деловых предприятий, а также показана эволюционная (адаптивная) эффективность хозяйственных организаций.

Как отрадный факт, следует заметить, что появляются первые монографии, пытающиеся анализировать с неинституциональных позиций отраслевые проблемы. Назовем, прежде всего, монографию В. Крюкова "Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации" (Новосибирск, 1998) и коллективный сборник под редакцией А. Шаститко, посвященный анализу локальных естественных монополий (коммунальных служб и т.д.)³⁸.

На факультете менеджмента СПбГУ возникла группа по изучению неинституциональной экономики во главе с А. Деминным и В. Катыкало, которая в сотрудничестве со Школой бизнеса им У. Хааса Калифорнийского университета (г. Беркли) опубликовала серию работ по экономике фирмы³⁹.

5) Из *экономико-правовых* неинституциональных концепций наибольшую известность среди российских экономистов приобрела *теория прав собственности*, изучающая влияние правовых норм на развитие легального, официального бизнеса. ГУ–ВШЭ стал проводить международные научные конференции по проблемам теории права и экономики (law and economics): первая состоялась в ноябре 1998 г., ее темой была роль правовых институтов в развитии хозяйства⁴⁰, темой второй (декабрь 1999 г.) – институциональные границы вмешательства государства в экономику.

6) Такое направление неинституциональных исследований как *теория общественного выбора* известно в России, пожалуй, гораздо лучше других. Причина столь пристального внимания именно к этой теории очевидна: чрезмерная зависимость российской экономики (и в советский, и в постсоветский периоды) от политической конъюнктуры заставляет экономистов России особо пристально изучать взаимосвязь политики и экономики. Интерес к теории общественного выбора был "подогрет" публикацией концептуальных трудов Дж. Бьюкенена и М. Олсона, а также изложения этой теории в популярных учебниках Л. Якобсона "Экономика общественного сектора" (М., 1995) и Р. Нуреева "Микроэкономика" (М., 1996). Оригинальные исследования на материалах России ведут в этом направлении В. Мау, В. Найшуль и С. Афонцев. В. Мау анализирует трансформацию российской экономической и политической системы сквозь призму теории революции⁴¹. В. Найшуль, полемизируя с трактовкой СССР как чисто командной экономики, интерпретирует экономико-политическую систему "позднего" Советского Союза как пространство "бюрократических торгов", где готовность выполнять плановое задание обменивалась на определенные льготы директорату предприятия.

В России в различных базах данных накапливаются эмпирические материалы по выборам в центральные и местные органы власти, по ведению политических кампаний, по деятельности различных партий. Последние выборы в Государственную думу и выборы президента сделали эту проблему остро актуальной. К сожалению, лишь в очень ограниченном числе исследований показана применимость стандартных и апробированных на электоральной статистике развитых стран методов оценки влияния экономических параметров на политический выбор и в условиях России⁴². В политологической монографии Г. Голосова⁴³ содержатся некото-

³⁶ Кокорев В. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек. – Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 61 – 72.

³⁷ Фактор транзакционных издержек в теории и практике российских реформ: по материалам одноименного "круглого стола". Под ред. В. Тамбовцева. М.: Экономический факультет МГУ/ТЕИС, 1998; Радаев В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр Политических Технологий, 1998; Авдашева С., Колбасова А., Кузьминов Я., Малахов С., Рогачев И., Яковлев А. Исследование транзакционных издержек и барьеров входа на рынки в российской экономике. Оценка возможностей интернализации транзакционных издержек и их вывода из сферы теневой экономики, М., 1998; Малахов С. Транзакционные издержки и макроэкономическое равновесие. – Вопросы экономики, 1998, № 11.

³⁸ Контракты и издержки в ресурсосберегающих подотраслях жилищно-коммунального хозяйства. Под ред. А. Шаститко. М.: БЭА. 2000

³⁹ Первой книгой этой серии была: "Уроки организации бизнеса" (СПб., 1994). Далее последовал перевод книги О. Уильямсона "Экономические институты капитализма" (СПб., 1996) и другие работы.

⁴⁰ См.: Право и экономика: традиционный взгляд и перспективы развития. М.: ГУ – ВШЭ, 1999.

⁴¹ Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков. – Вопросы экономики, 1999, №11–12; Мау В. Экономика и революция: уроки истории. – Вопросы экономики, 2001, № 1.

⁴² Гамбарян М., Мау В. Экономика и выборы: опыт количественного анализа. – Вопросы экономики, 1997, № 4; Мау В., Кочеткова О., Жаворонков С. Экономические факторы электорального поведения (Опыт России 1995-1996 годов)

рые подходы, которые можно использовать для ранжирования величины издержек политически активного избирателя на участие в той или иной коалиции.

Всё более актуальной для России становится экономическая теория конституции⁴⁴, интерес к которой оживился после перевода на русский язык работ Дж. Бьюкенена, В. Ванберга, Я.-Э. Лейна, П. Козловски.

Под пристальным влиянием научного сообщества находится деятельность государственного аппарата⁴⁵. В числе наиболее активно обсуждавшихся проблем был и остается поиск политической ренты и его особенности в переходной экономике⁴⁶. Весьма неплохим подспорьем здесь стал вышедший в 1995 г. реферативный сборник "Политическая рента в рыночной и переходной экономике", в который были включены рефераты статей Г. Таллока, Дж. Бьюкенена, Т. Крюгер, Б. Бейзингера, Р. Эклунда, Р. Толлисона, С. Медема, Т. Андерсона, П. Хилл, А. Эйдса, Т. Вердые, М. Деватрипойнта, Ж. Ролана. Плодотворно в этой области работают М. Левин, М. Цирик, В. Полтерович, В. Радаев, Я. Кузьминов, А. Заостровцев и др.

В середине 1990-х годов на страницах ряда журналов прошла дискуссия по вопросам теории рационального выбора, в которой активно участвовали экономисты, социологи и политологи (Д. Грин, И. Шапиро, М. Фармер, Р. Швери, А. Шаститко и др.). Обсуждение вопросов выбора правил голосования стало возможным в результате перевода работ Ф. Алескерова и П. Ортешука, Р. Тагепера и М. Шугарта, Р. Даля и др. Интерес к проблемам федерального устройства потребовал перевода работ Г. Таллока и В. Острома. Вопросы общественной политики стали активно обсуждаться после перевода на русский язык работ Л. Мизеса, Ф. Хайека, Дж. Ролза, Б. де Жувенеля, Э. де Сото, Э. Чейре.

В то же время большинство переведенных работ носит методологический характер и создает, в лучшем случае, лишь предпосылки для анализа российской действительности. Возникает разрыв между эмпирическими исследованиями российских экономистов, социологов и политологов, с одной стороны, и фундаментальными достижениями теории общественного выбора, с другой. Сократить его можно, лишь написав отечественный учебник по теории общественного выбора, который станет теоретической основой для дальнейших конкретных эконометрических исследований в этой быстро развивающейся области. Однако знакомство со статьями и книгами известных экономистов создает неплохие предпосылки для создания учебного курса с использованием классических работ по теории общественного выбора.

7) В отличие от экономической теории права *экономическая теория преступлений и наказаний* (economics of crime and punishment) исследует экономическое «подполье» – мир за рамками «общественного договора», мир, где действуют преступники и борющиеся с ними стражи порядка. Поскольку отечественные экономисты начали знакомство с экономической теорией преступлений и наказаний совсем недавно, примерно с 1997 г., то оригинальных исследований пока еще немного. В настоящее время российские экономисты только изучают достижения западных коллег, и первоочередной задачей ближайших лет следует считать именно популяризацию этих идей и консолидацию экономистов-криминологов.

Некоторые общие идеи экономической теории преступлений и наказаний нашли отражение уже в публикациях 1997–1998 гг.⁴⁷ В 1999 г. в «Вопросах экономики» была опубликована специальная статья к 30-летию зарождения этой теории⁴⁸. Наконец, весной 2000 г. в очередном выпуске альманаха «Истоки» опубликован полный перевод знаменитой статьи Г. Беккера «Преступление и наказание: экономический подход» (1968 г.), которая собственно и положила начало экономической теории преступлений и наказаний. Важным шагом по консолидации экономистов-криминологов следует считать начало издания в Российском государственном гуманитарном университете сотрудниками Центра по изучению нелегальной экономической деятельности реферативного журнала «Экономическая теория преступлений и наказаний»⁴⁹.

Успешно развиваются исследования по частным направлениям экономической теории преступлений и наказаний. Л. Тимофеевым опубликовано первое в России комплексное исследование по экономике наркоти-

<http://www.iet.ru/archiv/zip/23-new/zip/>; Хлопин А. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива. В кн.: Pro et Contra. Гражданское общество. М., 1997.

⁴³ Голосов Г. Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь Мир, 1999.

⁴⁴ См., например: Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 1999.

⁴⁵ См.: Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. Под ред. С. Патрушева. М.: ИСП РАН, 1996; Олейник А. Средства массовой информации и демократия (экономические предпосылки независимости электронных СМИ). – Политика. Вестник фонда "Российский общественно-политический центр", 1997, № 2;

⁴⁶ См., например: Заостровцев А. Рентоориентированное поведение: потери для общества. – Вопросы экономики, 2000, № 5.

⁴⁷ Латов Ю. Экономический анализ организованной преступности. М., 1997; Шаститко А. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет/ТЕИС, 1998. Гл. 13.

⁴⁸ Латов Ю. Экономическая теория преступлений и наказаний («экономические империалисты» в гостях у криминологов). – Вопросы экономики, 1999, № 10, с. 60–75.

⁴⁹ Экономическая теория преступлений и наказаний. Под ред. Л. Тимофеева и Ю. Латова. Вып. 1. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. М.: РГГУ, 1999.

ков⁵⁰. Получили известность работы В. Волкова, посвященные анализу экономики рэкет-бизнеса (силового предпринимательства) как реакции на отсутствие спецификации и защиты прав собственности⁵¹.

В 1998 г. работниками Института научной информации и общественных наук (ИНИОН) подготовлен проблемно-тематический сборник с обзором *проблем коррупции*⁵². В журнале «Экономика и математические методы» в этом же году опубликована серия статей М. Левина, М. Цирик и В. Полтеровича, посвященных обзору различных подходов к объяснению причин коррупции и путей борьбы с нею⁵³. Их авторы осуществили классификацию существующих экономико-математических моделей коррупции, а также факторов, которые ведут к ее развитию. В 1999 г. в журнале "Рынок ценных бумаг" опубликована оригинальная статья Р. Вишневецкого, в которой тотальное коррумпирование российской экономики рассматривается как неизбежное следствие развития "экономики посредников"⁵⁴.

8) Неинституциональный подход к изучению исторических закономерностей – *новая экономическая история* – включает два направления. Клиометрики во главе с Р. Фогелем анализ традиционных источников базируют на использовании математического инструментария, а последователи Д. Норта применяют принципиально новый для историков понятийный аппарат (права собственности, трансакционные издержки и т.д.).

Среди российских исследователей наиболее популярно клиометрическое направление, возглавлявшееся академиком И. Ковальченко⁵⁵. Программной работой, пропагандирующей возможности математического анализа первичных исторических данных с целью выявления скрытой информации, стала его книга "Методы исторического анализа" (М., 1987). Одно из основных направлений историко-математических исследований И. Ковальченко – изучение закономерностей аграрного сектора экономики России конца XIX – начала XX вв. Путем изучения долгосрочной динамики цен он доказал, что в дореволюционной России уже сформировался относительно единый рынок основных сельскохозяйственных продуктов, но рынки капитальных ресурсов (рабочей силы и, особенно, земли) развивались гораздо медленнее. По инициативе И. Ковальченко с конца 70-х годов регулярно проходят российско-американские симпозиумы историков клиометрической специализации⁵⁶.

В рамках «школы Ковальченко» стали развиваться даже такие «экзотические» виды экономико-математического моделирования исторических процессов, как ретропрогнозирование. Так, в работе Л. Бородкина и М. Свищева путем «продолжения» тенденций 20-х годов на период до 1940 г. доказывается, что продолжение политики нэпа не привело бы к усилению классовой дифференциации, но и не обеспечило бы резкого повышения сельскохозяйственного производства⁵⁷.

Что касается "нортковского" направления, то оно еще не завоевало в России особой популярности: отсутствие традиций правового общества препятствует осознанию важности правовых институтов для исторического развития. Первой "ласточкой" можно считать статью Ю. Латова и С. Ковалева⁵⁸, в которой показывается, что помещичье землевладение в условиях характерного для России конца XIX – начала XX вв. "двоеправия" стало генератором специфических негативных внешних эффектов, тормозящих развитие крестьянских хозяйств. Убежденные, что "по справедливости" (то есть по нормам традиционного права) собственниками земли могут быть только те, кто на ней трудится, крестьяне вместо совершенствования агротехники предпочитали "инвестировать" свои силы и энергию в борьбу за "черный передел" помещичьих земель, принадлежащих дворянам по нормам официального права.

⁵⁰ Тимофеев Л. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. См. также: Тимофеев Л. Наркобизнес как экономическая отрасль (теоретический анализ). – Вопросы экономики. – 1999. – № 1; Тимофеев Л. Особенности экономического поведения наркозависимого потребителя (*позитивный подход*). – Вопросы экономики, 2000, № 4.

⁵¹ См., например: Волков В. Политэкономика насилия, экономический рост и консолидация государства. – Вопросы экономики, 1999, № 10, с. 44–59.

⁵² Жилина И., Иванова Н. Экономика коррупции. В кн.: Социально-экономические аспекты коррупции. М.: ИНИОН, 1998, с. 30–62.

⁵³ Полтерович В. Факторы коррупции. – Экономика и математические методы, 1998, № 3; Левин М., Цирик М. Коррупция как объект математического моделирования. – Экономика и математические методы, 1998, № 3; Левин М., Цирик М. Математическое моделирование коррупции. – Экономика и математические методы, 1998, № 4; Левин М. Коррупция и технологические инновации. Препринт. М.: Российская Экономическая Школа. 1999. Приложение некоторых идей экономики коррупции к современной российской ситуации см.: Кузьминов Я. Тезисы о коррупции. М.: ГУ-ВШЭ. 1999.

⁵⁴ Вишневецкий Р. Математическая модель экономики посредников. – Рынок ценных бумаг, 1999, № 3.

⁵⁵ Милов Л. Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923-1995): труды и концепции. – Отечественная история, 1996, № 6, с. 85-109.

⁵⁶ С американской стороны в них участвовали такие историки-экономисты, как У. Паркер, Г. Райт, Д. Линдстрем, Д. Филд, К.С. Леонард и др.

⁵⁷ Бородкин Л., Свищев М. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей. В кн.: Россия и США на рубеже XIX – XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1992, с. 348 – 365.

⁵⁸ Латов Ю., Ковалев С. Аграрный вопрос в России конца XIX – начала XX вв.: попытка неинституционального анализа. – Вопросы экономики, 2000, № 4.

Появляются первые работы по *истории нового институционализма* (О. Ананьин, Р. Капелюшников, Г. Литвинцева, Р. Нуреев, А. Фофонов и др.)⁵⁹. Ежегодник "Истоки", издаваемый ГУ-ВШЭ, регулярно (с 1998 г.) публикует материалы по институциональной экономике.

3. «Конец и снова начало»

Необходимость координации и кооперации в российской институциональной науке. В настоящее время в России функционируют, относительно независимо друг от друга, четыре центра по изучению институциональной экономики: ГУ-ВШЭ, экономический факультет МГУ, факультет менеджмента СПбГУ, Новосибирский институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Кроме того, над этой проблемой работает ряд ученых в других научно-исследовательских институтах и вузах. До сих пор не преодолен разрыв между ними, отсутствует координация и кооперация. Регулярные общероссийские конференции не проводятся, переводы зарубежных авторов не координируются, нередко носят нерегулярный и случайный характер.

Фактически сложились два течения, одно из которых представлено сторонниками традиционного институционализма, а другое сторонниками неинституционализма. Научной кооперации ученых препятствует отсутствие периодических изданий по институциональной экономике. Нет национальной организации сторонников этого направления. Способствовать национальной консолидации мог бы журнал, который должен выполнить функцию "коллективного организатора и пропагандиста" институциональных теорий. Издание журнала, организация летних школ по распространению институциональных знаний могли бы стать важной вехой на пути к национальной, российской школе нового институционализма для новой России.

Кроме того, необходимо обновлять не только теоретический арсенал, но и сами методы научной работы отечественных экономистов.

Экономисты России, интернетизируйтесь! Научно-техническая революция не только предъявляет спрос на новаторские научные разработки, но и создает новые условия для их продуцирования. Свет знаний давно уже исходит не столько от библиотек и институтских аудиторий, сколько от экранов компьютеров, чьи владельцы захвачены миром Интернета. Эта глобальная компьютерная система объединяет читальный зал, книжный магазин, научную конференцию и клуб по знакомству. Здесь можно читать литературу любой тематики, заказывать в виртуальных магазинах какие угодно книги и журналы, обсуждать любые вопросы, общаясь при этом с собеседниками, которые находятся хоть на противоположном конце планеты. Одним словом, Интернет – это классический пример так называемых всеобщих производительных сил, которые и создаются, и используются только коллективно.

В настоящее время лучше всего «обустроен», конечно, англоязычный Интернет. Что касается русскоязычной части глобальной сети, то она еще довольно молода и, естественно, далека от совершенства. Прежде всего, русский Интернет для экономистов относительно невелик⁶⁰. Отечественные экономисты по темпам освоения электронной сети вообще сильно отстали, например, от историков, чьи ресурсы в русском Интернете гораздо богаче⁶¹. Самое главное, экономисты еще не осознали главную ценность Интернета – возможность организовывать коллективное научное творчество с участием ученых из разных городов России.

В 2000 г. под эгидой Московского общественного научного фонда (МОНФ) начался опыт, который может стать прообразом организации научного творчества ученых-обществоведов России на ближайшие десятилетия. Под руководством д.э.н., заслуженного работника Высшей школы, профессора ВШЭ Р.М. Нуреева в рамках программы научных исследований «Поиск эффективных институтов для России XXI века» организована «Виртуальная Мастерская».

Её целью является содействие межрегиональному общению, формированию и развитию устойчивого, проблемно ориентированного сообщества ученых-обществоведов, занимающихся проблемами неинституциональной экономики, социологии и права, а непосредственной задачей – формирование междисциплинарной

⁵⁹ Ананьин О. Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя. – Вопросы экономики, 1999, № 11; История экономических учений (современный этап). М., 1998, Гл. 11. Новая институциональная теория; Фофонов А. Генезис новой институциональной экономической теории. Автореф. канд. дисс. СПб., 1998; Литвинцева Г. Введение в институциональную экономическую теорию (учебное пособие). Новосибирск, 1999; История экономических учений. Под ред. В. Автономова, О. Ананьиной, Н. Макашевой. М., 2000.

⁶⁰ С обзором Web-ресурсов по экономике можно ознакомиться в альманахе «Истоки»: Истоки. Вып. 4. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 431 – 445. Лучшим сервером по экономической тематике остается "Московский Либертариум" (www.libertarium.ru), где, в частности, находится обширная коллекция текстов Р. Капелюшникова, В. Найшуля, Б. Львина. По институционализму первым специализированным сервером стала "Институциональная экономика" В. Вольчика (<http://ie.boom.ru>).

⁶¹ В журнале «Новая и новейшая история» уже появился даже специальный раздел «История и компьютер», посвященный обзорам информации в сети Интернет. (См.: Бородкин Л. И., Владимиров В. Н., Гарскова И. М. Азбука Интернета. Адресация в Интернете. Поиск информационных ресурсов в сети. В записную книжку // Новая и новейшая история. 1999. № 1. – С. 229 – 234; Бородкин Л. И., Владимиров В. Н., Силин Н. Н. Поиск в Интернете. Поиск в русскоязычной части WWW. «Апорт!», «Rambler», «Yandex». Российские общедоступные предметно-ориентированные каталоги Интернет-ресурсов // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 183 – 192.)

группы, представляющей различные регионы РФ и страны СНГ, изучающей институциональные проблемы экономики. Основными направлениями работы признаны следующие:

1. Социально-экономические и идейно-политические реформы в России: степень подготовленности различных институтов.

Основные направления реформ в экономической, социальной и политической сфере: проблема адекватности. Различия стартовых условий перехода (территориальный и региональный аспекты). Формальные и неформальные институты командной экономики: проблемы их трансформации. Культурные стереотипы и проблемы модернизации экономики. Цена перехода к рыночной экономике. Динамика транзакционных издержек.

2. Общемировые тенденции развития рыночной экономики

Новые концептуальные подходы к пониманию рынка. "Провалы" рынка и "провалы" государства: поиски эффективных институтов на пороге XXI века.

3. Рынок, который мы создали

Соотношение государственного и частного сектора экономики: последствия российской приватизации. Остаточная государственная собственность. От "дороги к рабству" – к "испытанию свободой": отношения зависимости в старой и новой России. Конкуренция и монополия в постсоветской России. Легальный и нелегальный бизнес: общее и особенное. Государство и рынок: особенности взаимодействия и проблемы адекватности экономической и социальной политики. Интеграция и дезинтеграция в постсоветской экономике: центробежные и центростремительные тенденции развития российского общества. Защита национальных экономических интересов и компрадорство. Традиционные и неотрадиционные формы в экономической и социальной сферах.

4. Старые и новые структуры: проблемы адаптации

Экономика домохозяйств в постсоветской России: общее и особенное. Адаптация различных социальных групп к рыночной экономике. Фирма: стратегия выживания. Поиск политической ренты субъектами государственного регулирования.

5. Пути выхода из кризиса

Институциональные факторы роста. Изменение системы ценностей и мотиваций как фактор социодинамики российского общества. Стратегия экономического развития: роль национальной идеи. Конституционные предпосылки выхода из кризиса. Пути преодоления регионального сепаратизма.

План работы "Виртуальной Мастерской" включает в себя следующие 5 этапов:

I этап – «Институциональный анализ экономических субъектов постсоветской России».

II этап – «Институт современного российского рынка и его особенности».

III этап – «Экономические институты постсоветского общества».

IV этап – «Институциональное проектирование экономики современной России».

V этап – «История институциональных реформ в России XX века».

Каждый из этапов рассчитан не менее чем на год: ориентировочно 1-й этап – 2000-2001 годы, 2-й – 2001-2002, 3-й – 2002-2003, 4-й – 2003-2004 годы, 5-й – 2004-2005 годы. Однако реализация этого проекта зависит от многих объективных и субъективных обстоятельств (и прежде всего, от наличия источников финансирования).

Следить за работой Мастерской можно по адресу в Интернете (www.mpsf.org/virtual/mast1.html). Результаты работы Мастерской будут опубликованы в монографиях по вышеуказанным направлениям. Кроме того, будут подготовлены спецкурсы по институциональному анализу переходной экономики («Трансформация экономических институтов в постсоветской России», «Институт российского рынка и его особенности» и др.), а также базовый курс "Экономические институты современной России" и разделы в учебных курсах "Экономические институты", "Сравнительный анализ экономических систем", "Экономика и право", "Право и экономика".

По условию проекта «Виртуальной Мастерской» предполагалось опробовать возможности создания эффективного научного коллектива путем почти исключительно виртуального общения между его членами, экономистами и социологами. Она объединила усилия ученых, представляющих Бийск, Екатеринбург, Краснодар, Москву, Н. Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону, С.-Петербург, Тулу, Улан-Удэ и Ульяновск.

В ходе реализации проекта данная идея показала свои огромные возможности. Главный результат работы членов Виртуальной Мастерской – подготовка коллективной монографии «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный аспект)» с учебно-методическими материалами. Комплексный характер монографии, которая освещает практически все основные аспекты институциональной трансформации экономики России 1990-х гг., а также наличие к каждой главе учебных заданий позволяет рассматривать это издание не только как научный труд, но и как учебное пособие к курсам типа «Переходная экономика России» или «Институциональные изменения в постсоветской экономике».

Коллективная монография «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» является углублением подхода, предложенного в предшествующей книге «Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический аспект)», изданной МОНФ в 2000 году. Авторский коллектив анализирует институциональные изменения в жизнедеятельности основных экономических субъектов. Поэтому первая часть посвящена анализу домохозяйств, вторая – фирме, третья – государству.

Каждая часть имеет следующую структуру. Вначале дается институциональный анализ поведения каждого экономического субъекта (домохозяйства, фирмы, государство). Далее анализируются исторические

корни в российской экономике (path dependency problem) и новое институциональное пространство, в котором оказались экономические субъекты. При этом оно рассматривается в двух аспектах – статическом и динамическом.

Статика заключается в том, что микроэкономические субъекты рассматриваются с двух сторон: "изнутри" и "снаружи". Взгляд "изнутри" показывает, как каждый из экономических субъектов пытается оптимизировать свое поведение в новых условиях, взгляд "снаружи" – как экономические субъекты ведут себя с себе подобными и с выше- или нижестоящими структурами, как складывается квазиоптимум в постсоветской России.

Динамический аспект анализа показывает, как институциональная среда предопределяет поведение экономических субъектов, как они адаптируются к ней и как они в свою очередь формируют её, как происходит институционализация новых прав и правил игры. Поэтому авторы уделяют особое внимание анализу старых и новых функций, появившихся у экономических субъектов в переходный период. Особое внимание при этом уделяется анализу неотрадиционных форм – новых по форме и старых по существу.

Комплексный характер монографии заключается в том, что рассматриваются не только экономические, но и социальные аспекты деятельности экономических субъектов, а также намечаются пути решения возникших проблем.

Следует отметить, что работа в Виртуальной Мастерской по определению предполагает коллективную работу, когда участники постоянно и активно влияли друг на друга. Поэтому монография стала продуктом подлинно коллективного творчества, где трудно указать границы, отделяющие вклад разных участников единого научного процесса. Тем не менее мы попытались выделить главных и основных действующих лиц, ответственных за те или иные разделы монографии.

Авторами коллективной монографии являются следующие участники Виртуальной Мастерской: введение к монографии – д.э.н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ **Р.М. Нуреев**, к.э.н. **Ю.В. Латов**; введение и заключение к первой части – д.с.н. **М.А. Шабанова**; гл. 1 – к.э.н. **И.В. Розмаинский**; гл. 2 – к.э.н. **Ю.В. Латов**, аспирант ИС РАН **Н.В. Латова** (параграфы 2.1, 2.4); к.э.н. **Ю.В. Латов**, к.с.н. **Е.С. Балабанова** (параграф 2.2); аспирант ИС РАН **Н.В. Латова** (параграф 2.3); гл. 3 – д.с.н. **М.А. Шабанова**; гл. 4 – к.псих.н. **А.Н. Демин** (параграфы 4.1, 4.3, 4.4); к.с.н. **А.Л. Темницкий** (параграф 4.2); гл. 5 – к.с.н. **Е.С. Балабанова**; гл. 6 – к.с.н. **И.П. Попова**; введение ко второй части – д.э.н. **Р.М. Нуреев**, к.э.н. **А.В. Алексеев**; гл. 7 д.э.н. **Р.М. Нуреев** (параграф 7.1), аспирант ГУ-ВШЭ **А.Б. Рунов** (параграфы 7.2-7.6); гл. 8 к.э.н. **Ю.В. Латов** (параграфы 8.1, 8.2), к.э.н. **Т.П. Черемисина** (параграфы 8.3); гл. 9 к.с.н. **А.Л. Темницкий** (параграф 9.1); к.технич. н. **Л.Г. Миляева** (параграфы 9.2, 9.3, 9.5); к.с.н. **Л.Е. Петрова** (параграф 9.4); гл. 10 к.э.н. **И.В. Розмаинский** (параграф 10.1); к.э.н. **А.В. Алексеев**, к.э.н. **И.Ф. Герцог** (параграфы 10.2 – 10.3); гл. 11 – к.э.н. **Ю.В. Латов**; введение к третьей части – д.э.н. **Н.А. Кравченко**, д.э.н. **Р.М. Нуреев**, к.э.н. **Ю.В. Латов**; гл. 12 – д.э.н. **М.Ю. Малкина**, к.э.н. **И.В. Розмаинский**; гл. 13 – аспирант ГУ-ВШЭ **А.В. Дементьев**; гл. 14 – к.э.н. **А.В. Ермишина** (параграфы 14.1, 14.2); д.э.н. **М.Ю. Малкина**, **И.В. Розмаинский** (параграф 14.3); д.э.н. **З. Б.-Д. Дондоков**, к.с.н. **И.В. Дондокова** (параграф 14.4); гл. 15 – аспирант ГУ-ВШЭ **С.Г. Шульгин**; гл. 16 – д.э.н. **Н.А. Кравченко** (параграфы 16.1, 16.3); аспирант ГУ-ВШЭ **А.В. Дементьев**, к.э.н. **И.В. Розмаинский** (параграф 16.2); заключение к монографии – д.э.н. **Р.М. Нуреев**.

Редактирование материалов осуществлено редколлекгией в составе: д.э.н. **Р.М. Нуреев** (главный редактор), к.э.н. **А.В. Алексеев**, д.э.н. **Н.А. Кравченко**, к.э.н. **Ю.В. Латов**, к.с.н. **И.П. Попова**, д.э.н. **М.А. Шабанова**.

Научно-вспомогательная работа и подготовка текста рукописи печати осуществлена **С.Г. Шульгиным**, которому авторский коллектив выражает большую и искреннюю благодарность.

В заключение авторский коллектив считает своим приятным долгом поблагодарить всех работников Московского Общественного Научного Фонда (президент **А.В. Кортунов**), без постоянной помощи которого настоящее издание было бы невозможно, и особенно **Екатерину Валериевну Лобзу**.

Мы уверены, что отечественные экономисты стоят «в начале славных дел». Экраны компьютеров освещают «созревание» в России новых, институциональных идей. XXI век покажет, что «земля российская» может рождать не только «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», но и Вебленов, Коузов, Беккеров, Нортон. Быть может, среди них будешь и ты, наш читатель?..

ЧАСТЬ 1. ДОМОХОЗЯЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В центре данной части – экономические субъекты низшего уровня – домохозяйства и индивиды. Нам предстоит выявить, с какими институциональными изменениями субъекты этого уровня действительно столкнулись за годы реформ; определить, как сказываются произошедшие институциональные изменения на принимаемых разными типами домохозяйств и индивидов *экономических* решениях (о распоряжении своими доходами, сбережениями, трудом, временем). И, кроме того, мы попытаемся оценить обратное воздействие реализуемых моделей экономического поведения на особенности и перспективы институционализации новых прав и правил игры (правовых и неправовых) в экономическом пространстве.

В основе данной части лежит активно развиваемая в последние годы *деятельностная* парадигма анализа социальных (в том числе и институциональных) изменений. Точного названия в современной теории она пока не имеет, однако ее отличительная особенность определилась четко: она состоит в интеграции двух классических парадигм – структуралистской и феноменологической, бессубъектной и субъектной. Деятельностная парадигма переосмысливает само понятие социального института: "...социальные институты – это, конечно, структуры, которые регулируют социальные связи и отношения, но они сами постоянно меняются, они не столь устойчивы, как это представлялось Э. Дюркгейму, да и К. Марксу тоже..."¹.

Что касается субъекта, то в деятельностной парадигме он рассматривается как комплекс определенных ресурсов. "Ресурс субъекта – это совокупность качеств, обеспечивающих не только его способность к выживанию, но и к расширению диапазона саморегуляции своего поведения, включая влияние на других субъектов"². Ресурсы субъекта весьма разнообразны: накопленное состояние, текущие доходы, молодость, образование и квалификация, проживание в крупном городе и др. "...деятельностный подход формирует представление о социальном субъекте как таком, который может обладать сильным или слабым ресурсом, и он пытается использовать его, он постоянно стремится укрепить свое положение, социальный статус, расширить свое влияние в обществе, если он обладает богатым ресурсом. И таким образом субъект способен воздействовать на формирование социальных институтов, т.е. тех реальных типов отношений, которые ему в его положении представляются более выгодными"³.

Таким образом, деятельностная парадигма порывает с главными положениями объективистского подхода к анализу связи между социальными институтами и социальными субъектами, сводящего социальные институты к объективным (самосоздаваемым) структурам, которые не могут быть объяснены действиями отдельных индивидов и вообще не зависят от них, от их воли. (Напротив, поступки индивидов объясняются влиянием общества, социальными институтами, нормами и правилами поведения)⁴. В рамках деятельностного подхода социальные институты и социальные структуры больше не объективизируются до такой степени, что уподобляются вещам-скалам, на которые, по образному сравнению П.Л.Бергера, можно налететь, но которые нельзя ни убрать, ни преобразовать по прихоти воображения. "Вещь – это то, обо что можно тщетно биться, то, что находится в определенном месте вопреки нашим желаниям и надеждам, то, что, в конце концов, может свалиться нам на голову и убить. Именно в таком смысле общество является совокупностью "вещей". Правовые институты, пожалуй, лучше, чем любые другие социальные институты, иллюстрируют данное качество общества"⁵.

В то же время у деятельностной парадигмы много общего с субъективной, которая ставит во главу угла именно действия и поступки людей, которыми они непрерывно создают и изменяют картину общества⁶. В этой перспективе силы и институты, воздействующие на людей, "являются все-таки только *социальными* силами и институтами, т.е. они созданы людьми, продолжают существовать благодаря людям и отмирают, когда люди перестают ими пользоваться... правила существуют лишь постольку, поскольку люди им следуют. Слишком частое нарушение правил приводит к тому, что они быстро прекращают свое существование"⁷. Иными словами, как в той, так и в другой традиции социальные институты понимаются как выражение (проявление) человеческих действий: все институционализированные образования, такие как "государство", "рынок" и др., в конечном счете должны сводиться к объяснимым действиям индивидов. Следовательно, движущие силы обществен-

¹ Ядов В. Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. – 1999. – №3-4. – С.313-314.

² Там же. С.315.

³ Там же. С.315.

⁴ Бруннер Карл. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. – Осень 1993. – Т.1. – Вып. 3. – С.58; Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию / Пер. со швед. – М.: Весь Мир, 1994. – С. 34, 41, 56, 76; Collins Randall (ed.). Three Sociological Traditions. Selected Readings. New York-Oxford: Oxford University Press, 1985. – P.161-260; Cuff E.C. & Payne G.C.F. (ed.) Perspectives in Sociology. – 2nd ed. – London: Unwin Hyman, 1984. – P.24-67.

⁵ Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. Г.С.Батыгина. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С.87-88.

⁶ См., например, Монсон П. Указ соч. С.35, 42; Collins Randall (ed.), Op. cit., P.261-267; 29. Гекер Дж.Ф. Вклад Н.Кареева в социологию. Пер. главы из книги Julius F.Hecker. Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. – London, 1934. – P.149–174 // Рубеж. Альманах социальных исследований. – 1992. – №3. – С.37–52 и др.

⁷ Монсон П. Указ соч. С.25, 71.

ных изменений больше не выносятся за рамки возможностей индивидов (как это было в объективистской модели), а непосредственно связываются с деятельностью индивидов.

Важное отличие деятельностной парадигмы от собственно субъективной видится в том, что она делает акцент на разных ресурсных возможностях разных субъектов и связывает эти различия не только с личностными особенностями социальных субъектов, но и с социоструктурными факторами или ограничениями, которые в данный момент субъекты преодолеть не всегда в силах.

На наш взгляд, место субъектов микроуровня в институциональных изменениях точнее всего улавливается при изучении *социального механизма* трансформационного процесса в рамках *теории трансформационного процесса* Т.И.Заславской⁸. В российской социологии именно ей удалось разработать целостную теорию в рамках интегративной, деятельностной парадигмы. Не случайно многие авторы раздела обращаются к методологической схеме Т.И.Заславской при осмыслении самых разных аспектов экономического поведения индивидов (домохозяйств) в условиях крупных институциональных изменений. Прежде чем перейти к собственно институциональному анализу экономических субъектов микроуровня, обозначим те исходные *теоретико-методологические принципы* интерпретации и анализа социально-экономических изменений, которые присутствуют в данной теории и деятельностной парадигме в целом и на которых базируется институциональный анализ субъектов низшего уровня в данном случае. Основные из них следующие:

1. Органическая *увязка макро- и микроуровней* социальной реальности, что очень важно при изучении *социальных механизмов* изменения институтов и места институциональных изменений в целостном трансформационном процессе.

2. Обоснование *автономности и взаимосвязи* макро- и микроуровней социальной реальности, выделение механизмов и потенциала независимости одного уровня от другого, и в то же время вовлечение в поле зрения взаимосвязи между ними.

3. Рассмотрение *двух способов существования разных уровней социальной реальности* – в потенциальной возможности и в действительности, – что очень важно для осмысления спектра в принципе возможных траекторий и перспектив институциональных изменений.

4. Акцент на том, что ресурсы (как потенциальные, так и реализуемые) у разных субъектов разные, неодинаковы и их вклад (возможный и реальный) в институциональные изменения.

5. Подчеркивание того, что социальные (в том числе и институциональные) изменения носят *вероятностный характер*. Поле возможностей в каждый данный момент времени, разумеется, ограничено. Но вместе с тем оно никогда не лишает субъектов разного уровня (в том числе и самого низшего) возможностей выбора. В связи с этим выявление реальных институциональных изменений, оценка возможных и вероятных перспектив в этой области должна базироваться на прочном эмпирическом базисе.

6. Наконец, *институциональный анализ* поведения *экономических* субъектов в условиях кардинальных изменений будет более продуктивным, если принимать во внимание не только собственно экономическую сферу, но и более широкую институциональную среду, вовлеченную в процесс трансформации.

* * *

Общая логика первой части такова. В *первой* главе (И.В. Розмаинский) дается *общая характеристика институционального подхода к анализу экономического поведения домохозяйств и индивидов*. Поскольку институциональный анализ зарождался в значительной мере как реакция на недостатки неоклассической теории, то основные аспекты институционального подхода излагаются в сравнении с неоклассическим. Преимущественно институционального анализа домохозяйств над неоклассическим особенно ярко проявляются применительно именно к переходной экономике. Институциональная среда предстает как важный фактор и ограничитель экономических действий домохозяйств и индивидов. В то же время показывается, что именно институциональный анализ позволяет проследить обратную связь – как меняется институциональная среда под влиянием действий разных типов домохозяйств и индивидов. "Нормальное" рыночно ориентированное поведение предстает как поведение, направленное на взаимовыгодные, разрешенные законом, равноправные обменные отношения, а поведение, ориентированное на натуральную ("домашнюю"), "иерархичную" и теневую экономики, – как отклоняющееся от рыночного. На примере анализа поведения экономических субъектов микроуровня на трех основных рынках – труда, потребительских благ и финансов, – выделяются (пока на теоретическом уровне) те модели поведения и соответствующие им нормы и правила, которые отдаляют российскую экономику от подлинно рыночной системы или же, напротив, приближают к ней.

Поскольку перспективы институционализации новых прав и адекватных им правил игры зависят как от внутренних (лежащих на стороне микросубъектов), так и от внешних (лежащих на стороне среды) факторов, то, чтобы полнее представить имеющийся здесь потенциал, в последующих главах акцент делается на *неформальной* сфере современного институционального пространства, которая определяется, с одной стороны, со-

⁸ Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш.школа соц. и экон. наук. – М., 1997. – С. 283–299. Или: Социологический журнал. – 1995. – №3. – С.5–21; Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред.: Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука. Сиб.предприятие РАН, 1999. – С.149–167.

циокультурными особенностями массовых микросубъектов, спецификой их экономической ментальности, а с другой - особенностями условий их жизнедеятельности. В центре *второй* главы (Е.С. Балабанова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова) - исторические и современные **особенности российской экономической ментальности**. Важность рассмотрения этого вопроса определяется тем, что делать вывод о необратимости институциональных изменений в экономике можно только тогда, когда новые правила игры интернализированы массовыми социальными субъектами, т.е. переместились на уровень глубинных базовых представлений, символов и ценностей, которыми люди руководствуются в своем повседневном хозяйственном поведении. Между тем тот или иной тип ментальности имеет глубокие исторические корни и формируется в результате откладывания в памяти народа многовекового (а не только недавнего "административно-командного") опыта хозяйственной деятельности, ее организационных и материально-технологических особенностей. Предмет данной главы - исторические аспекты формирования российской экономической ментальности, что позволяет увидеть комплекс достаточно сложных проблем с точки зрения институционального потенциала современного трансформационного процесса в России.

В *третьей* главе (М.А. Шабанова) раскрываются **основные особенности современного институционального пространства, с которыми сталкиваются субъекты микроуровня** - формальные и неформальные, правовые и неправовые, привнесенные реформами и унаследованные из прежней, административно-командной системы. Эти особенности свидетельствуют о том, что свой вклад в институциональные перемены вносят экономические субъекты самых разных уровней. Стремясь реализовать свои цели и интересы, они используют доступные их социальной позиции ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых прав и правил игры. Иными словами, в реальных институциональных сдвигах велика роль не только провозглашенных властями правовых норм, но и другого элемента социальных институтов, а именно: неформальных норм и правил, отражающих социокультурные особенности и специфику условий жизнедеятельности самых разных социальных субъектов. В результате отклонение декларируемых целей от результатов институциональных преобразований зависит не только (и даже не столько) от реформаторской деятельности правящей элиты, сколько от трансформационной активности субъектов - представителей массовых общественных групп. Роль субъектов микроуровня в институциональных преобразованиях демонстрируется на основе теории трансформационного процесса Т.И.Заславской.

Основное содержание этой главы - это выделение доминирующих адаптационных стратегий, ибо именно через адаптационное и реактивно-протестное поведение массовые микросубъекты, как правило, участвуют в институциональных переменах. Успешность адаптации к новым условиям, с одной стороны, свидетельствует об успешности освоения экономическими субъектами низшего уровня нового институционального пространства, а с другой - является залогом устойчивости и дальнейшего углубления институционализации новых прав и правил игры. Для определения социального потенциала институциональных реформ, который сегодня имеется в российском обществе, выявляются различия в адаптационных стратегиях разных типов адаптантов ("прогрессивных", "регрессивных" и "НЕадаптантов), внешние и внутренние факторы (и ограничения) при принятии ими экономических решений, а также институциональные условия и перспективы расширения числа прогрессивных адаптантов. Какие способы адаптации к новым условиям экономические субъекты микроуровня сегодня находят наиболее эффективными? Какие из этих способов в настоящее время получили наибольшее распространение и устойчиво воспроизводятся? Насколько востребованными в этих способах экономического поведения оказываются новые права и правила игры? Какие правила игры, в принципе, сегодня наиболее распространены при реализации как инновационных, так и традиционных адаптационных стратегий? Каким правилам-нормам экономические субъекты микроуровня следуют добровольно, а каким - вынужденно? И каково обратное воздействие реализуемых моделей экономического поведения на характер и перспективы институционализации новых прав и неправовых норм в экономическом пространстве? - вот основные вопросы, рассматриваемые в данной главе.

В последующих двух главах исследуется вопрос о том, как особенности экономической ментальности россиян, вкупе с современными изменениями в институционально-правовом пространстве и условиях жизнедеятельности массовых микросубъектов, сказываются на доминирующих способах и нормах их экономического поведения. В центре внимания - основные рынки, где участвуют субъекты микроуровня, а именно: рынки труда, потребительских благ и финансов. Доминирующие стратегии экономического поведения субъектов на этих рынках сказываются на качественных параметрах последних и, в конечном счете, в существенной мере определяют характер, механизмы, издержки, успешность и перспективы институциональных реформ в сфере экономики.

Предмет *четвертой* главы (А.Н.Дёмин - §§ 1,3,4; А.Л.Темницкий - §2) - **особенности массового поведения на рынке труда**. В ходе реформ существенно изменилось институционально-правовое пространство в сфере труда. Появились новые права, но вместе с ними появились и новые ограничения. Трансформируется трудовая мораль и идеология. Труд из обязанности превратился в право, легализован статус безработного; появилось право на частную собственность и предпринимательскую деятельность; получил легитимность частный, индивидуальный интерес, а общественное благо потеряло свою всепоглощающую значимость; возродилась категория индивидуального богатства и др. Важная специфика современного рынка труда - доминирование неформальных правил над формальными. Поэтому именно неформальным правилам авторы уделяют особое внимание, опираясь на важное методологическое допущение о двойственности процессов порождения инсти-

тутов. Двойственность означает, что есть надындивидуальные нормы и правила, которые являются либо объектом, либо результатом преобразований, и есть повседневные реакции конкретных индивидов и домохозяйств на происходящее, которые по тем или иным причинам складываются в устойчивые модели поведения и которые являются своего рода преднормами. Эти преднормы либо помогают упрочению провозглашенных "сверху" правил игры, либо способствуют сохранению "старых" правил, либо дают начало новым нормам. Принимая во внимание все эти обстоятельства, авторы сосредоточиваются на выявлении доминирующих моделей поведения индивидов и домохозяйств, учитывая, что на отечественном рынке труда: а) сосуществуют старый (бывшие государственные предприятия) и новый частный секторы занятости; б) утвердилось новое социальное явление - открытая безработица.

В **пятой** главе (*Е.С.Балабанова*) рассматриваются два других вида массового трансформационного поведения, через которые субъекты микроуровня вносят свой вклад в институциональные перемены, а именно: **потребительское и сберегательное поведение**. В полном соответствии с деятельностной парадигмой анализа институциональных изменений, домохозяйства рассматриваются как комплекс определенных ресурсов, которые они пытаются использовать, исходя из внутренних особенностей и внешних (в том числе и институциональных) возможностей и ограничений. В центре внимания - институциональные изменения в управлении ресурсами в сферах их *добывания, расходования (потребления) и сохранения (накопления)*. Доминирующие стратегии поведения домохозяйств в этих сферах оцениваются с точки зрения их влияния на качественные параметры и перспективы развития рынка потребительских благ и рынка финансов.

И наконец, **шестая**, заключительная глава (*И. Попова*) посвящена **среднему классу**, который рассматривается и как главный *агент* формирования новых отношений, норм, институтов, и как основной ожидаемый *результат* институциональных реформ. В связи с этим институциональный аспект исследования проблематики среднего класса предполагает два уровня анализа: 1) противоречия и специфика формирования институтов и 2) стратегии поведения социально-профессиональных групп, составляющих ресурсы среднего класса. Акцентируется проблема *двойственности* среднего класса (или средних слоев) в современной России. С одной стороны, он видится агентом претворения в жизнь новых прав и правил игры, а с другой – основой "инертной средней массы", оставшейся в наследство от старых советских средних слоев. Выделение социального конструкта "*потенциальный средний класс*" облегчает выявление общих характеристик и тенденции социальных ресурсов среднего класса. Вопрос о перспективах среднего класса в России связывается с формированием такой институциональной среды, которая способствовала бы реализации потенциала "старых" средних слоев и расширяла бы ресурсы "новых" средних слоев.

Глава 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1 Домохозяйство в рыночной экономике: взгляд неоклассиков

Прежде чем изложить основные элементы институционального подхода к изучению домохозяйств, логично сперва описать господствующую теорию - неоклассическую, поскольку институциональный анализ зарождался в значительной мере как реакция на ее недостатки.

Если попытаться выразить сущность неоклассического подхода к исследованию домохозяйств одной фразой, то можно остановиться на таком варианте: "Неоклассическая теория является в своей основе теорией индивидуального выбора, или теорией принятия индивидуальных решений в условиях полной определенности и рациональности"¹. Более детально нео-классический анализ поведения домохозяйств характеризуется следующими свойствами.

1. **Домохозяйство и индивид рассматриваются как тождественные понятия.** Не исследуются отношения внутри домохозяйства, цели его образования и т.д. Иными словами, в неоклассической теории домохозяйство, как и фирма, является "черным ящиком"².
2. **Домохозяйство трактуется как хозяйствующий субъект, действующий полностью рационально.** Полная рациональность означает стремление к цели (сформированной субъектом независимо от остальных субъектов или общества в целом) с учетом всех ограничений и возможностей, выгод и издержек, и воплощается в оптимизирующем поведении³.
3. **Домохозяйство функционирует при отсутствии неопределенности**⁴. Это означает, что ожидаемые результаты его деятельности либо достоверно известны, либо точно не известны, но могут быть описаны при помощи вероятностных распределений. Таким образом, домохозяйство не сталкивается с ситуацией, при которой нельзя сформировать вероятностные распределения возможных будущих исходов (поскольку не известны ни вероятности наступления каждого из отдельных исходов, ни общее количество этих исходов).
4. **Предполагается совершенство счетных и когнитивных способностей домохозяйства.** В неоклассической теории допускается, что домохозяйство в состоянии обработать абсолютно любое множество информации⁵.
5. **Домохозяйство не нарушает формальные правила игры и моральные нормы,** тем самым не ущемляя права остальных хозяйствующих субъектов, но в то же время не стремится как-либо удовлетворять интересы других домохозяйств или общества в целом (такую поведенческую установку называют "простым следованием личным интересам"⁶).
6. **Предполагается наличие жесткого разграничения между предпочтениями и ограничениями, целями и средствами**⁷. Неоклассическая теория отрицает возможность влияния ограничений на предпочтения, т.е. интеграцию первых в целевую функцию домохозяйства; это означает, что отвергается феномен, названный К.Боулдингом синдромом "зеленого винограда"⁸.

Представленные свойства позволяют описывать домохозяйство как строго упорядоченный и согласованный набор предпочтений⁹, а его поведение - как оптимизирующие действия по максимизации целевой функции (полезности). Все это дает возможность анализировать домохозяйство и его деятельность при помощи строгих формализованных моделей. Иными словами, неоклассический анализ поведения домохозяйства (и прочих экономических субъектов) характеризуется **инструментализмом**, т.е. возможностью применения создаваемых в его рамках моделей для количественных измерений и прогнозов.

Однако неоклассический подход к исследованию экономических субъектов (и в т.ч. домохозяйств) характеризуется отсутствием такого свойства, как реалистичность. Модели представленного типа не описывают действительность такой, какая она есть. В этом и заключается главная "претензия" неоклассической теории со стороны представителей институционального подхода, основные особенности которого мы рассмотрим в следующем подразделе.

1.2 Домохозяйство в рыночной экономике: взгляд институционалистов

¹ Шаститко А. Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. 1999. С. 13.

² Олейник А. Н. Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие. Тема 12. Домашнее хозяйство и другие организационные структуры // Вопросы экономики. 1999. N 12. С. 126.

³ См., например: Шаститко А.Е. Указ. соч. Гл. 1, 2.

⁴ Там же.

⁵ Шаститко А. Указ. соч. С. 59-60.

⁶ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат. 1995. С. 100.

⁷ Там же. С. 60-61.

⁸ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа. 1998. С. 127.

⁹ См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело. 1993. С. 6.

Изложение институционального анализа домохозяйств будет особенно доходчивым, если мы дадим его в сопоставлении с неоклассической теорией, поскольку, как уже отмечалось, он зарождался как антипод неоклассике¹⁰.

Сущность институционального подхода заключается в акцентировании внимания на нормах, правилах и стереотипах мышления, управляющих поведением людей в реальном мире. Более детально институциональный подход можно описать как характеризующийся следующими свойствами.

1. **Большое внимание в институциональной теории уделяется внутренней структуре домохозяйства, мотивам его образования, целям деятельности.** Домохозяйства и индивиды не тождественны друг другу (подробнее см. гл. 3). Аналогичным образом, нельзя редуцировать домохозяйство к семье. Домохозяйство - это "...группа людей, объединенных общей задачей воспроизводства человеческого капитала, местом проживания, бюджетом и семейно-родственными связями. В основе домашнего хозяйства лежат властные отношения - права по контролю над совместной экономической деятельностью передаются одному из его членов - главе семьи"¹¹ (такой акцент на родственниках, а следовательно, в значительной мере обусловленных этическими соображениями, связях и властных отношениях делает институциональный подход совершенно чуждым неоклассике). При этом цели деятельности домохозяйства различаются в разных типах экономических систем, т.е. при различных типах доминирующих формальных и неформальных правил игры. Таким образом, в рамках институционального анализа домохозяйство перестает быть "черным ящиком".
2. **Домохозяйство трактуется как хозяйствующий субъект, "вписанный" в соответствующую социальную структуру.** Конкретные цели отдельно взятого домохозяйства подвергаются воздействию со стороны всей социальной и правовой среды (см. также предыдущий пункт), и в частности, зависят от взаимодействий с другими домохозяйствами и их группами. Кроме того, не только цели, но и средства их достижения могут определяться извне по отношению к домохозяйству. Таким образом, многие действия домохозяйства осуществляются при отсутствии его независимости, что фундаментально не соответствует рациональному поведению, предполагающему абсолютную свободу выбора.
3. **Институциональный анализ признает неопределенность важнейшей характеристикой внешних условий, с которыми сталкивается домохозяйство, осуществляющее свою хозяйственную деятельность.** При принятии многих важных хозяйственных решений, и в первую очередь, касающихся структуры портфеля (портфельных решений), домохозяйства сталкиваются с ситуацией, при которой невозможно даже с помощью вероятностных распределений оценить будущие результаты осуществляемого сегодня выбора¹².
4. **Счетные и когнитивные способности домохозяйства несовершенны.** Домохозяйство не является "счетной машиной", как это постулируется неоклассической теорией. Возможности членов домохозяйства в сборе и обработке информации ограничены.
5. **Предпочтения и ограничения не отделены друг от друга "водонепроницаемым барьером".** Целевые установки домохозяйств в определенной мере зависят от доступности средств к их достижению, во многом задаваемой институциональным пространством¹³.

Перечисленные свойства не позволяют строить логически безупречные оптимизационные модели. Но зато они отражают действительные характеристики поведения домохозяйств и, таким образом, дают возможность создавать реалистичные теории, чего нельзя сказать о неоклассическом подходе. В частности, это означает, что **в рамках институционального подхода отвергается идея, согласно которой домохозяйство - это всегда "оптимизирующий рационализатор"**. Домохозяйство очень часто не может быть оптимизатором, поскольку в реальном мире рыночного хозяйства постоянно сталкивается с ситуациями, в которых нет возможностей для оптимизации. К таким ситуациям, согласно классификации, предложенной эволюционным институционалистом Дж.Ходжсоном¹⁴, относятся следующие:

¹⁰ См., например: *Veblen T.* Why Is Economics Not An Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics.* July 1898. P. 373 - 397; *Ананьин О. И.* Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // *Вопросы экономики.* 1999. N 11. С. 49-62. Под «институциональным анализом» («подходом», «теорией») мы имеем в виду «анализ» на основе идей старого, «традиционного» институционализма. В настоящее время основными последователями этого направления являются представители «эволюционного институционализма». Настоящая глава написана в русле именно этих течений институциональной теории.

¹¹ *Олейник А. Н.* Указ. соч. С. 127.

¹² Впервые идея «фундаментальной» или «подлинной» неопределенности (отличной от риска) была, как известно, выдвинута Ф.Найтом и Дж.М. Кейнсом. См. *Найт Ф.* Понятие риска и неопределенности // *THESIS.* 1994. Вып. 5. С. 12-28; *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости // *Истоки.* Вып. 3. М. 1998. С. 280-292.

¹³ Термин «институциональное пространство», часто используемый в этом разделе монографии, является синонимом термина «институциональная среда», применяемого многими неинституционалистами.

¹⁴ *Hodgson G.* The Ubiquity of Habits and Rules // *Cambridge Journal of Economics.* 1997. Vol. 21. P. 663-684; *Ходжсон Дж.* Привычки, правила и экономическое поведение // *Вопросы экономики.* 2000. N 1. С. 39-55. Похожую, но более упрощенную, классификацию можно найти в трудах некоторых представителей посткейнсианства, направления, очень близкого традиционному (а также эволюционному) институционализму. См., например: *Lavoie M.* A Post Keynesian Approach to Consumer Choice // *Journal of Post Keynesian Economics.* Vol. 16 (4). P. 539-562.

1. **Масштабность информации.** Это ситуация, при которой объем информации столь велик, что домохозяйство не в состоянии обработать его: несмотря на доступность информации, ее усвоение "... требует значительных затрат времени и других ресурсов"¹⁵. Типичным примером является выбор потребительских благ в супермаркете, где, например, домохозяйству приходится выбирать между сотнями сортов сыра, колбасы или иных видов продовольствия. Соответственно, домохозяйство не в состоянии принять полностью рациональное решение, поскольку не может обработать весь существующий массив данных.
2. **Сложность информации.** Ситуация, при которой объем информации не велик, но у домохозяйств нет соответствующей "квалификации" для того, чтобы его обработать. Иными словами, "... существует разрыв между сложностью среды принятия решений, с одной стороны, и аналитическими и вычислительными способностями агента, с другой"¹⁶. Примерами могут служить закупки некоторых товаров длительного пользования со сложными техническими характеристиками (типа автомобилей или компьютеров). Опять-таки в подобной ситуации домохозяйство не может действовать как "оптимизирующий рационализатор".
3. **Неопределенность.** Эта ситуация уже была в некоторой мере описана выше; она связана с недостатком или отсутствием сведений относительно будущих результатов осуществляемых в настоящее время действий, т.е. "... когда критически важная информация о вероятности наступления будущих событий является, по существу, недостаточной"¹⁷. В результате снова теряется основа для оптимизационного принятия решений.

В хозяйственной практике реального мира домохозяйство почти постоянно имеет дело с какой-либо из этих ситуаций. Действуя на рынке труда, домохозяйство (а точнее, его взрослые члены) не в состоянии получить все существующие данные о доступных вакансиях и спрогнозировать будущую динамику конъюнктуры в этой сфере. Оказываясь на рынке потребительских благ, домохозяйство не может обработать всю имеющуюся информацию. На рынке ценных бумаг, выбирая среди различных финансовых активов, домохозяйство не может спрогнозировать будущую доходность каждого из них. Все это означает, что поведение домохозяйств, с точки зрения институциональной теории, в большинстве случаев хозяйственной практики не является оптимизирующим.

Невозможность действовать в качестве рациональных оптимизаторов становится причиной того, что домохозяйства ведут себя в соответствии с другими принципами поведения, среди которых в рамках институционального анализа выделяются, в частности, следующие.

а) **Ориентация на среднее мнение.** Этот принцип поведения играет большую роль в ситуации неопределенности; отдельно взятое домохозяйство, не зная будущих результатов осуществляемых сегодня действий, ведет себя так, как остальные домохозяйства, т.е. как бы ориентируется на "мнение толпы", которая, возможно, обладает более хорошим знанием¹⁸.

б) **"Жизнерадостность".** Следование принципу "жизнерадостности" /animal spirit/ означает, что домохозяйство поступает так или иначе на основе "спонтанного оптимизма" (или "пессимизма"), "природного желания действовать" (или "не действовать").¹⁹ Такое поведение вообще не связано с какими-либо рациональными расчетами и также играет большую роль в ситуациях, не позволяющих оптимизировать, особенно в ситуации неопределенности.

в) **Привычки.** Они представляют собой правила поведения, которым следуют домохозяйства в своей деятельности; при этом важно то, что следование таким правилам является формой рациональности, поскольку такое следование может быть эффективным с точки зрения экономии на издержках поиска и обработки информации²⁰. "Сущность привычки состоит в приобретении склонности к некоторым видам и способам реакции..."²¹. Таким образом, усвоение привычки предполагает некоторую активность того, кто ее усваивает²².

г) **Ориентация на удовлетворение, связанная с ограниченной рациональностью.** Согласно данному принципу, домохозяйство ведет себя рационально, но при этом, вследствие значительных **издержек принятия решений**, не учитывает все имеющиеся ограничения и возможности; оно рассматривает возможные варианты выбора до тех пор, пока не будет выбран некий "удовлетворительный" вариант. Таким образом, здесь стремление к "удовлетворению" противопоставляется "оптимизации"²³. Можно также отметить, что "ориента-

¹⁵ Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ Там же. С. 41. Дж. М. Кейнс писал, что в ситуации неопределенности будущих событий «не существует никакой научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем». (*Кейнс Дж. М. Указ. соч. С.284.*)

¹⁸ См.: Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 285. По поводу близости теории Дж. М. Кейнса институциональному подходу Т. Веблена, см.: *Mouhammed A. H. Veblen and Keynes: On the Economic Theory of the Capitalist Economy // Journal of Institutional and Theoretical Economics.* 1999. Vol. 155. P. 594-609.

¹⁹ См.: *Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег.* М., 1978. Гл. 12.

²⁰ См.: *Rutherford M. Institutions in Economics. The Old and The New Institutionalism.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995. P. 51-62.

²¹ Это определение принадлежит американскому философу Дж. Дьюи, повлиявшему на основателей институционализма. См.: *Автономов В. С. Указ. соч. С. 194.*

²² Данный аспект подчеркивался еще Т. Вебленом: *Veblen T. Op. cit. P. 389-390.*

²³ Концепция ограниченной (или процедурной) рациональности и следующий из нее принцип «ориентации на удовлетвори-

ция на удовлетворение" представляет собой нечто среднее по степени рациональности между следованием привычкам и оптимизирующим поведением.

д) **Рутины.** Очень многие действия домохозяйств обусловлены следованием неким укоренившимся шаблонным правилам поведения - рутинам²⁴. При этом отличие такого способа деятельности от всех предыдущих (в частности, от привычек) состоит в том, что он является бессознательным (или внесознательным). Следовательно, если экономическое действие (покупка, продажа и т.д.) предпринимается на основе рутинного поведения, то это означает, что оно осуществлено вообще при отсутствии принятия решения.

С точки зрения институциональной теории, особенно важны для понимания как деятельности домохозяйств, так и их внутренней структуры привычки и рутины. В институциональной теории подчеркивается, что "человеку свойственна потребность в создании вокруг себя предсказуемой среды... Именно в рамках защищенного рутинного пространства впервые возникает норма доверия"²⁵. Иными словами, привычки и рутины удовлетворяют фундаментальную потребность человека "...в формировании сферы, где он мог бы оставаться самим собой"²⁶. Таким образом, создание и функционирование домохозяйства предполагает множество привычек и рутин, играющих описанную роль.

Другая важнейшая функция привычек и рутин состоит в том, что они "... нужны для экономии когнитивных способностей как ограниченного ресурса [и, соответственно, поиска информации - И.Р.], позволяя человеку сконцентрироваться лишь на наиболее важных аспектах его повседневной деятельности"²⁷.

При этом анализ роли привычек и рутин "... в функционировании домашнего хозяйства помогает предположить обусловленность его структуры особенностями институциональной среды, в которой оно действует"²⁸.

В рамках институционального анализа домохозяйств придается также важное значение степени преследования домохозяйством своих личных интересов. Как уже отмечалось, неоклассическая теория исходит из "**простого следования личным интересам**": предполагается, что данный хозяйствующий субъект стремится к личной выгоде, не ущемляя прав других субъектов, но при этом и не ориентируясь на их интересы. Институционалисты же более широко трактуют этот аспект - аспект "степени эгоизма".

С одной стороны, поведение домохозяйства может характеризоваться "**оппортунизмом**", представляющим собой "преследование личного интереса с использованием коварства"²⁹, т.е. с нарушением формальных и неформальных правил игры. Распространенность оппортунистического поведения в целом повышает издержки заключения и реализации контрактных обязательств (а в более широком плане – трансакционные издержки) и, соответственно, резко понижает уровень экономической эффективности и сужает производственные возможности.

С другой стороны, поведение домохозяйств может характеризоваться "**послушанием**"³⁰, при котором преследование ими личных интересов подавляется стремлением соответствовать интересам других субъектов, групп этих субъектов или общества в целом. Такое подавление может быть вызвано боязнью несоответствия поведенческим нормам данной социальной группы или общества – одним из наиболее известных примеров является "демонстративное потребление", описанное Т. Вебленом, - или же соображениями альтруистического плана.

С "послушанием" тесно связана роль **обычаев**. Под этим термином в институциональной теории понимают "вид социального принуждения, которое осуществляет по отношению к индивидам коллективное мнение тех, кто чувствует и поступает одинаково"³¹. Обычаи фундаментальным образом отличаются от привычек.

тельный результат» были впервые предложены Г. Саймоном (см., например: *Саймон Г.* Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли. Том 2. Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 54-72) и ныне получили большое распространение как среди (эволюционных) институционалистов, так и среди посткейнсианцев. См., в частности: *Lavoie M.* Op. Cit. P. 544. *Lah M. & Susjan A.* Rationality of Transitional Consumers: A Post Keynesian View // *Journal of Post Keynesian Economics*. 1999. Vol. 21 (4). P. 590. При этом следует учитывать, что идея ограниченной рациональности не обязательно приводит к отказу от предпосылки оптимизирующего поведения: если указанная ограниченность обосновывается не на основе издержек принятия решений, а на основе издержек поиска информации, то допущение оптимизации сохраняется. Именно так применяется идея ограниченной рациональности в неинституциональной традиции. См. также: *Олейник А. Н.* Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие. Тема 2. Норма как базовый элемент институтов // *Вопросы экономики*. 1999. N 2. С. 149.

²⁴ Термин «рутины» впервые (в 1982 году) был введен в экономическую теорию основоположниками эволюционного институционализма Р. Нельсоном и С. Уинтером - см. русское издание их пионерной работы: *Нельсон Р. и Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО «Финстатинформ». 2000. Гл. 5. Но там данный термин применяется в отношении фирмы. Мы же используем это понятие в контексте, предложенном А. Олейником: см. *Олейник А.Н.* Указ. соч. С. 127.

²⁵ Там же. С. 127.

²⁶ Там же. С. 127.

²⁷ Там же. С. 128.

²⁸ Там же. С. 129.

²⁹ *Уильямсон О.* Указ. соч. С. 97-100.

³⁰ Там же. С. 100-101.

³¹ Такое определение обычаев дал один из основателей институционализма Дж. Коммонс. См.: *Автономов В. С.* Указ. соч. С. 195.

Если привычки носят личный характер, то обычаи представляют собой социальный феномен, являясь элементом давления общества (или социальной группы) на отдельные домохозяйства.

1.3 Возможности институционального анализа домохозяйств в переходной экономике

С институциональной точки зрения, термин "переходная экономика" означает систему, в которой происходят кардинальные перемены в институциональном пространстве, т.е. в формальных и неформальных правилах игры. При этом "переходность" заключается в том, что наблюдается сосуществование правил игры, характерных для разных экономических систем – плановой, рыночной и т.д.³² "Социологическим" аналогом "переходной экономики" является "меняющееся (трансформирующееся) общество".

На наш взгляд, преимущества институционального анализа домохозяйств над неоклассическим анализом особенно ярко проявляются именно применительно к переходной экономике. Дело в том, что, как было отмечено выше, основной особенностью институционального подхода является учет влияния на поведение домохозяйств социальных норм и ценностей, а также стереотипов мышления. В переходной экономике эти факторы резко меняются, а значит, меняется и поведение домохозяйств. Отсюда следует, что неоклассический подход, не учитывающий указанные факторы, не способен объяснить действия домохозяйств в такой экономике.

Более конкретно институциональный анализ поведения домохозяйств "в меняющемся обществе" позволяет – при помощи как абстрактно-теоретических, так и эмпирических (в том числе и социологических) методов исследования - объяснить следующие тенденции в их поведении.

А) Изменения степени рациональности поведения. Изменения элементов институционального пространства влияют на масштабность и сложность информации, а также неопределенность будущего (вообще говоря, априори можно ожидать, что резкие институциональные перемены – выражающие суть переходной экономической системы – будут повышать степень масштабности и сложности информации, а также неопределенности будущего³³). Эти изменения, как следует из вышеизложенного материала, будут влиять на степень рациональности поведения домохозяйств. Институциональный анализ позволяет определить, "в какую сторону" будет меняться их поведение, т. е. будет ли оно становиться более рутинным, привычным, "жизнерадостным", характеризоваться ориентацией на среднее мнение или на удовлетворительный результат.

Б) Изменения степени преследования личных интересов. Изменения правил, норм и ценностей, безусловно, влияют также на то, каким образом домохозяйства пытаются соблюсти в своем поведении собственные интересы. Например, эрозия моральных норм и/или слабые санкции за нарушение правовых норм порождают стремление к оппортунистическому поведению; интериоризация принципов коллективистской этики может привести к обратным последствиям – поведению, ориентированному на подчинение социальным ценностям в ущерб личному интересу³⁴. Институциональный анализ позволяет выявить направленность изменений в этом "срезе".

В) Изменения степени ориентированности деятельности на рыночные отношения. Данный аспект является, пожалуй, наиболее важным. Огромное преимущество институционального подхода заключается в том, что он содержит возможности выявления степени "рыночности" или "антирыночности" поведения.

Поясним это подробнее. Поведение лица, полностью ориентированного на рыночные отношения, характеризуется следующими свойствами.

- 1) Удовлетворение собственных потребностей через взаимовыгодный обмен благами (т. е. "рыночным способом"), а не путем самообеспечения, неформальных взаимоотношений с другими субъектами (родственниками и т.д.).
- 2) Подчинение правовым нормам, регулирующим рыночные отношения, и, соответственно, отсутствие попыток обойти эти нормы (такие попытки могут принимать разные формы: от обмана контрагента по сделке до кражи).
- 3) Равноправие (не только юридическое, но и социально-психологическое) в отношениях с другими хозяйствующими субъектами, т.е. отсутствие иерархичности в таких отношениях.

Таким образом, рыночноориентированное поведение означает поведение, направленное на взаимовыгодные, разрешенные законом, равноправные обменные отношения. Именно такое поведение является нормой в рыночной экономике и мыслится в качестве само собой разумеющегося сторонниками неоклассической теории.

Здесь следует также отметить, что отклонения от рыночноориентированного поведения могут принимать три основные формы, неявно описанные чуть выше. Их можно определить следующим образом.

³² Подробнее см.: Тамбовцев В.Л. Государство и переходная экономика: пределы управляемости. Раздел 4. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. 1997.

³³ См.: Lah M. & Susjan A. Rationality of Transitional Consumers: A Post Keynesian View // Journal of Post Keynesian Economics. 1999. Vol. 21 (4). P. 589-602; Rozmainsky I.V. The Big-Bang Strategy and The Problems of Non-Rational Behavior in the Transitional Economy of Russia. <http://ie.boom.ru/Rozmainsky/Rozmainsky1.htm>

³⁴ Отсюда следует, что институциональный анализ, в отличие от неоклассического, позволяет учесть синдром «зеленого винограда», упомянутый в пункте 6) параграфа 11.

- 1) **Поведение, ориентированное на "домашнюю экономику"**. Это означает, что домохозяйство стремится к полной обособленности от других хозяйствующих субъектов (за исключением родственников, соседей, друзей и проч.). Продукты питания, одежда и другие жизненно важные блага либо производятся самим домашним хозяйством, либо обеспечиваются через отношения взаимопомощи с другими домохозяйствами.
- 2) **Поведение, ориентированное на "иерархичную экономику"**. Такое поведение предполагает неравноправные отношения данного домохозяйства с другими субъектами. Подобные отношения - общее место в иерархичной социальной системе, например, в кастовом или сословном обществе. Здесь важно то, что неравноправность может являться не столько следствием соответствующих формальных правил игры (правовых норм), сколько продуктом социально-психологических установок.
- 3) **Поведение, ориентированное на "теневую экономику"**. К этому типу следует отнести любые действия, так или иначе связанные с нарушением формальных правил игры: от простого сокрытия доходов от налогообложения до деятельности, нарушающей статьи Уголовного кодекса.

Перечисленные формы отклонения от рыночноориентированного поведения являются поведенческими нормами соответственно в "натуральной экономике", плановой экономике и криминальной экономике. В зависимости от того, какая из этих четырех "ориентаций" доминирует, складываются предпосылки для становления в обществе соответствующей экономической системы. Это означает, что неформальные правила игры – не исключительно экзогенные факторы по отношению к поведению домохозяйств. Домохозяйства сами своими действиями формируют и/или меняют социальные нормы, господствующие в обществе.

С этой точки зрения институциональный анализ поведения домохозяйств чрезвычайно важен, поскольку он не только учитывает влияние институционального пространства как ограничителя действий домохозяйств, но и показывает, каким образом это пространство меняется под влиянием их действий. Институциональный подход дает возможность выявить ряд факторов – действующих на микроуровне – закрепления тех социальных норм и правил, которые отдаляют нашу экономику от подлинно рыночной системы или же приближают ее к ней.

Так, институциональный анализ дает возможность проанализировать такое явление, как "**неправовая свобода**"³⁵. Этот феномен состоит в том, что люди "свободно" пытаются реализовать свои права, ущемляя права других и нарушая формальные правила игры. **Институционализация "неправовой свободы" приводит к тому, что нарушения законов становятся социальной нормой, а законопослушное поведение – отклонением от этой нормы.** Ясно, что такая практика приближает нашу экономическую систему не к цивилизованной рыночной экономике, а к псевдорыночному хозяйству криминального типа³⁶. Движение к рыночной экономике возможно лишь в том случае, когда большинство хозяйствующих субъектов – в том числе (а может, и в первую очередь) и домохозяйств – будет следовать правилам игры, присущим такой экономике, и не будет в массовом порядке нарушать юридические нормы.

Отсюда в рамках институционального подхода вытекает, в частности, **особая значимость роли "среднего класса" для становления рыночной экономики в России**³⁷. Этот социологический термин совершенно не находит применения в неоклассической теории, во многом, возможно, потому, что существует масса определений данного термина (как правило, эти определения, как и сам термин, носят социологический характер). **С институциональной точки зрения, средний класс можно определить как тот слой людей, который исполняет формальные правила игры** (в отличие, скажем, от "высших классов", которые эти правила разрабатывают и закрепляют законодательно, и "маргинальных классов", которые эти правила нарушают). Таким образом, становление среднего класса означает постепенную интериоризацию формальных институтов, без которой невозможно не только нормальное функционирование, но и само существование цивилизованной рыночной экономики. Отсутствие среднего класса в переходной экономической системе – в "меняющемся обществе" – означает отсутствие домохозяйств, которые своими действиями способствовали бы "претворению в жизнь" указанных правил. Российское же общество в начале проведения рыночных реформ разделилось на кучку "высших слоев" - членов правительства, влиятельных "заинтересованных групп", занимавшихся непрерывным производством новых формальных правил и нахождением "прорех" в старых – и подавляющее большинство "новых бедных", многие из которых постепенно пришли к нарушению законов как социальной норме поведения.

1.4 Домохозяйства в переходной экономике на рынках труда, потребительских благ и финансов: институциональный подход

Действуя как хозяйствующий субъект, домохозяйство функционирует на рынках труда, потребительских благ и финансов (финансовых рынках). При этом его поведение на этих рынках в переходной экономике может отличаться рядом специфических особенностей, которые принимаются во внимание именно в институциональном анализе.

³⁵ Подробнее об этом в главе 3 данного раздела. Об институционализации неправовой свободы см. также: *Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С.252-257; *Шабанова М. А.* «Неправовая свобода» и социальная адаптация // Свободная мысль. 1999. №11. С.54-67.

³⁶ См. также главу 11 настоящей монографии.

³⁷ Подробнее об этом в главе 6 данной части.

ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ТРУДА. При анализе поведения домохозяйств на рынке труда в переходной экономике институциональный подход позволяет выявить следующие аспекты.

А) **Динамика степени ориентации на законные/незаконные способы обогащения.** В зависимости от динамики институционального пространства домохозяйства в целях обогащения могут направлять свои усилия не в легальную, а в теневую сферу экономики, что, естественно, отдалает становление цивилизованного рыночного хозяйства.

Б) **Динамика степени ориентации на наемный труд / "самозанятость".** В принципе, движение к рыночной экономике предполагает, что домохозяйства начинают сокращать свои усилия в сфере "домашней занятости" (типа работы на приусадебных участках) в пользу деятельности на официально зарегистрированных фирмах. Если же роль "самозанятости" усиливается³⁸, то это указывает на натурализацию экономической деятельности и закрепление в поведении домохозяйств нерыночных норм. Значит, "светлое будущее" цивилизованной рыночной системы становится более далеким.

В) **Динамика степени ориентации на патерналистские / партнерские отношения домохозяйства с работодателем.** Для планового хозяйства характерен патернализм в отношениях между работодателем и наемным работником, т.е. готовность последнего к почти полному послушанию и подчинению требованиям первого в обмен на минимальные социально-экономические гарантии. Для рыночного хозяйства (по крайней мере, "стандартного" западного типа) характерны партнерские отношения между указанными типами хозяйствующих субъектов; такие отношения означают социально-психологическую независимость наемного работника и равноправность его взаимодействий с работодателем. Опять-таки, если в ходе "рыночноориентированных реформ" патерналистский тип взаимоотношений продолжает воспроизводиться, даже на новых частных фирмах³⁹, то данное обстоятельство указывает на то, что эти реформы если и приводят к "рынку", то отнюдь не западного образца.

ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ БЛАГ. При анализе поведения домохозяйств на рынке потребительских благ в переходной экономике в рамках институционального анализа главный акцент делается на следующих аспектах.

А) **Динамика степени ориентации на рыночные/нерыночные способы обеспечения потребительскими благами.** Если домохозяйства в ходе реформ склоняются все больше к производству этих благ "у себя" (см. также пункт Б при описании анализа рынка труда) или же ориентируются на обеспечение жизненно необходимыми продуктами за счет родственных или дружеских связей⁴⁰, это указывает на отдаление от "идеалов" рыночной экономики. Подлинный "переход к рынку" предполагает падение значимости таких способов обеспечения потребительскими благами.

Б) **Динамика степени рациональности выбора потребителей и степени следования ими своим интересам.** В нерыночных хозяйствах выбор потребителя чаще, чем в рыночных системах, опирается либо на рутины, либо на эмоции, либо на этические нормы и социальное давление. Если выбор потребителя в процессе "перехода" все больше определяется рекламой, соображениями демонстративного потребления или бессознательными действиями, связанными со скорейшим удовлетворением физиологических потребностей⁴¹, то это означает, что такой "переход" не способствует достижению подлинного суверенитета потребителя, при котором на рынке благ закрепляются только товары с оптимальными характеристиками "цена – качество".

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ: ДИНАМИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС ПОРТФЕЛЬНОГО ВЫБОРА ДОМОХОЗЯЙСТВ. Поведение домохозяйств на финансовых рынках особенно важно, поскольку именно на этих рынках формируются источники финансирования вложений в расширение основного капитала и технический прогресс, а следовательно, финансирования экономического роста. Мы проанализируем данную сферу несколько детальнее, поскольку неблагоприятная ситуация с нею в нашей стране, с одной стороны, в очень значительной степени связана с особенностями поведения домохозяйств, а с другой стороны, создала большой комплекс препятствий выходу российской экономики на рельсы быстрого и устойчивого экономического роста.

Вообще говоря, функционирование финансовых рынков может отвечать критериям неоклассической теории в том случае, если домохозяйства:

- а) осуществляют выбор не на основе эмоций и ориентации на мнение других субъектов финансового рынка, а пытаются самостоятельно просчитывать выгоды и издержки своих финансовых инвестиций;
- б) не придают чрезмерного значения рекламе, осуществляемой рядом эмитентов ценных бумаг;
- в) доверяют активам, обращающимся на финансовом рынке, и соответственно, формируют свои портфели финансовых активов не только за счет наличности в национальной и иностранной валюте (и ценных бумаг правительства).

Именно при соблюдении этих условий оптимизирующего поведения на финансовом рынке начинают доминировать ценные бумаги наиболее прибыльных эмитентов. В противном случае финансовый рынок заполняется активами потенциальных банкротов, а то и просто откровенно жульнических "компаний".

³⁸ Подробнее об этом см. главы 4 и 5 данной части.

³⁹ Подробнее см.: главы 3 и 6 данной части и главу 9 второй части.

⁴⁰ Подробнее см. главу 5 данной части.

⁴¹ О роли феномена бедности см. также главу 5.

С точки зрения институционального подхода, этот самый "противный случай" отнюдь не является редкостью. Дело в том, что финансовые рынки представляют собой сферу хозяйственной деятельности, отличающуюся высокой степенью неопределенности будущего (а также, хотя и в несколько меньшей степени, сложностью информации). Ожидаемую доходность по многим активам, обращающимся на нем, нельзя предсказать даже при помощи вероятностных распределений. Но в промышленно развитых странах рядовые участники финансовых рынков защищены от вышеназванных наиболее негативных аспектов его функционирования довольно жестким государственным регулированием. Иными словами, деятельность на финансовых рынках в таких странах осуществляется в рамках весьма детализированных формальных правил игры, разработанных и внедренных государственными структурами. Тем не менее даже в таких условиях участники рынков ценных бумаг оказываются не застрахованными от биржевых кризисов и зачастую не имеют твердых ориентиров для принятия оптимизирующих решений. Субститутутом знания в условиях фундаментальной неопределенности на рынках финансовых активов оказывается "конвенциональное формирование ожиданий"⁴², связанное с уже упоминавшейся "ориентацией на среднее мнение". Рядовые участники финансовых рынков покупают или продают ценные бумаги не на основе оптимизационных расчетов, а следуя поведению "средней массы", "толпы" (конечно, более предпочтительно для них было бы следовать советам профессиональных брокеров, но это возможно лишь на определенной ступени развития рынков ценных бумаг). Конечно, такое "массовое поведение" позволяет в значительной мере уменьшить бремя неопределенности, которое падает на каждого отдельного участника финансовых рынков. Однако обратной стороной "ориентации на среднее мнение" оказывается подверженность финансовых рынков чрезвычайно резким бумагам и кризисам, которые порождаются подобным "поведением толпы". В частности, спад на рынке ценных бумаг может произойти буквально за один день, что засвидетельствовано, например, известными биржевыми кризисами 1929 и 1987 годов в США. Коллапс финансовых рынков, в свою очередь, может оказать негативное влияние на реальную экономическую активность, приводя к сокращению потребления (эффект богатства) и инвестиций (через влияние на инвестиционный климат и коэффициент Тобина).

Вышеприведенные рассуждения в еще большей степени применимы к поведению домохозяйств на финансовых рынках в России. В соответствии с принципами "шоковой терапии", эволюция финансовых рынков в нашей стране началась совершенно спонтанно, без какого-либо государственного "надзора" за этим процессом. В отличие от "коллег" в промышленно развитых странах, участники финансовых рынков в нашей стране не были защищены от недобросовестного поведения эмитентов финансовых активов. Деятельность "финансовых пирамид" никак не сдерживалась органами, регулирующими деятельность рынков ценных бумаг. Данное обстоятельство в сочетании с упоминавшейся "ориентацией на среднее мнение", общей абсолютной неопытностью "средних" домохозяйств в сфере принятия портфельных решений (и почти полным отсутствием высококвалифицированных финансовых консультантов, которые могли бы давать ценные советы "простым" домохозяйствам в области портфельного выбора) помогает объяснить феномен "обманутых вкладчиков", назревавший в 1992-1994 годах и так ярко проявившийся во второй половине 1994 года, что знаменовало окончание первого периода становления рынков ценных бумаг в России⁴³.

В общем, нам представляется, что феномен "обманутых вкладчиков" связан не с "иррациональностью русской души", а с "ориентацией на среднее мнение" значительного количества домохозяйств, купивших ценные бумаги "финансовых пирамид". Следование этому принципу поведения в условиях отсутствия институциональных барьеров для деятельности недобросовестных эмитентов и наличия неограниченной агрессивной рекламы (при отсутствии "психологического иммунитета" к ее воздействию – "иммунитета", который вырабатывается десятилетиями жизни в развитой рыночной экономике) привело к длительному и огромному увеличению продаж финансовых активов "дутых" компаний, что не могло не закончиться финансовым крахом. Доверие "среднего" домохозяйства к финансовым рынкам было надолго утрачено, вследствие чего портфельный выбор российских домохозяйств во второй половине 1990-х годов осуществлялся в основном между наличными деньгами, иностранной валютой и вкладами в Сбербанке (подробнее об этом см. гл. 5).

Естественно, такое добровольное сужение диапазона портфельного выбора не способствовало быстрой эволюции рынка ценных бумаг в России, эволюции, важнейшей предпосылкой которой является **доверие**. Как известно, начиная с 1995 года эволюция этого рынка в России заключалась лишь в чрезвычайно быстром ускорении оборота государственных ценных бумаг, эмитированных с целью неинфляционного финансирования бюджетного дефицита, и завершилась новым крахом - крахом пирамиды ГКО-ОФЗ. Возможно, развитие российского рынка ценных бумаг в середине 1990-х годов могло бы пойти по другому пути, если бы в 1992-1994 годах государство жестко ограничило деятельность частных финансовых пирамид и предотвратило упомянутый выше коллапс, приведший к огромным потерям богатства множества домохозяйств и утрате доверия с их стороны к рынку финансовых активов.

Таким образом, институциональный анализ поведения российских домохозяйств на финансовых рынках позволяет определить некоторые основополагающие идеи относительно закономерностей эво-

⁴² См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости. С. 295; Розмаинский И.В. «Конвенциональная теория ожиданий»: вызов теории рациональных ожиданий // Вестник СПбГУ. Серия 5 (Экономика). 1996. Вып. 2. С. 114-118.

⁴³ Шишкин М. В., Кашин А. Л. Рынок ценных бумаг в современной России: специфика становления и особенности функционирования // Вестник СПбГУ. Серия 5 (Экономика). 1996. Вып. 4. С. 14-20.

люции рынков ценных бумаг в переходной экономике. Поскольку на указанных рынках домохозяйства сталкиваются с неопределенностью будущего, а также со сложностью имеющейся в распоряжении информации, они не в состоянии придерживаться оптимизирующего поведения, как это предполагает неоклассическая теория. На развитых рынках ценных бумаг субститутутом знания отдельного домохозяйства - знания, на основе которого можно было бы принять оптимальное решение, - зачастую является следование рекомендациям профессиональных брокеров или финансовых консультантов. Но даже при высокой стадии развития указанных рынков большую роль играет "ориентация на среднее мнение" - принцип поведения, при котором каждый отдельный участник рынка ценных бумаг стремится "действовать как все". Еще большее значение этот принцип поведения имеет на неразвитых финансовых рынках, чему пример - нарождающийся российский рынок. Нам представляется, что на начальных ступенях эволюции финансовых рынков в переходной экономике они должны жестко регулироваться государством (это, естественно, противоречит принципам "шоковой терапии"). Такое регулирование должно отсекалть от этих рынков недобросовестных и/или неплатежеспособных эмитентов ценных бумаг и, тем самым, защищать домохозяйства от подобных "компаний" и формировать их доверие к финансовым рынкам. Кроме того, оно может заключаться в некоем "финансовом просвещении" домохозяйств, т.е. обучении их азам портфельного выбора через определенные средства массовой информации. "Пускание на самотек" процесса эволюции этих рынков - то, что и имело место в России начала 1990-х годов - оборачивается их быстрым подъемом за счет деятельности "финансовых пирамид", подъемом, который в себе самом содержит семена последующего коллапса. А этот коллапс, в свою очередь, отбрасывает состояние развитости финансовых рынков к исходной стадии, и "все приходится начинать сначала", но уже в более неблагоприятной ситуации вследствие недоверия домохозяйств к таким рынкам. Ясно, что такое "естественное" "развитие событий" неблагоприятно для создания богатого резервуара источников финансирования инвестиций и экономического роста. Последний вряд ли может быть обеспечен на долгое время, если портфельный выбор домохозяйств ограничен наличностью, иностранной валютой и вкладами в государственных банках (в Сбербанке).

Короче говоря, институциональные особенности поведения домохозяйств на финансовых рынках в переходной экономике приводят к выводу о настоятельной необходимости их жесткого государственного регулирования на начальном этапе развития. При отсутствии такого регулирования наблюдается **динамический парадокс портфельного выбора домохозяйств, состоящий в том, что в ходе перехода к рыночной системе происходит добровольное сужение диапазона этого выбора самыми ликвидными активами.** Подобное сужение очень неблагоприятно с точки зрения перспектив финансирования инвестиций, технического прогресса и экономического роста.